

Светлана Муфистова

Во имя
отца и сына

Светлана Чуфистова

Во имя отца и сына

«Издательские решения»

Чуфистова С.

Во имя отца и сына / С. Чуфистова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855160-4

После зверств дельца Мартынова на опустевшую башкирскую вольницу вместе с обозом переселенцев из Вятской губернии приезжает семья Казаковцевых. Глава семьи Тимофей с женой и четверо его сыновей. Тогда они ещё не знают, какой невиданный водоворот революций и войн захлестнёт каждого из них...

ISBN 978-5-44-855160-4

© Чуфистова С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Во имя отца и сына

Светлана Чуфистова

© Светлана Чуфистова, 2020

ISBN 978-5-4485-5160-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Спотыкаясь пыльными, стоптанными сапожищами о камни и засохшие навозные кучи, он спешил с докладом к хозяину.

– Кондрат Андроныч, не соглашайтесь. Я уж с ними и так и эндак. Ни в какую!

– А ты их плётками, плётками стягай, Филиппка! Ишь ты узкоглазы морды, я их заставлю землю-то продать! На кой ляд им столько земли-то, голодранцам? Ух, басурманское отродье! – скосился помещик Мартынов на сбившихся в кучу неподалёку от своих юрт измученных людей.

Хозяин жизни сидел в тени берёзок за покрытым белоснежной скатертью круглым столом, пил чай из пузатого самовара, да изредка недовольно покрякивал. Полный чернобородый большеносый мужчина в картузе, зипуне, да хромовых сапогах в нетерпении ожидал развязки событий.

В это время управляющий с помощниками кинулся исполнять приказание. Со всех сторон на головы башкир – кочевников стали ложиться плети. Плач женщин, визг ребятишек разнёсся по всей округе на многие вёрсты.

Уж пятый день пошёл, как держали их без пищи и воды, угрожали, запугивали и били, но гордый народ не соглашался продать свои земли за бесценок.

Наконец, от становища отделилась огромная фигура.

– Хватит! Хватит, я сказал! С бариним говорить буду!

Это встал в полный рост глава племени Юнус. Его тот час подхватили барские холую и связанного потащили на разговор к хозяину.

– За что бьёшь, собака?! – сверкнул Юнус своими чёрными раскосыми глазами на Мартынова.

– Я ж тебе толкую, – стал обволакивать вкрадчивый голос – отдашь землю за рубль, отпущу.

– Твоя цена, барин, плохая цена. За рубль и коня не купишь. Где скот пасти будем? Мой народ с голодудохнет!

– А ты коней продай, да избы поставь...

– Мы народ вольный, кочевой! Поле, да ветер вот наш дом!

– Ну, гляди, гляди...

И истязания продолжились с новой силой. А на седьмые сутки башкиры сдались...

Тянутся вереницы телег по России – матушке, тянутся, как тонкие ниточки рек по иссохшим руслам земли-кормилицы. Пешие, конные, немые и усталые, с нехитрыми пожитками, оставившие то, чего не было, едут люди в края дальние...

Уж двадцать лет минуло с тех пор, как отменил царь – батюшка крепостничество. Голодный, обездоленный, нищий люд, помыкавшийся на вольнице, пустился на поиски своего «сытого» счастья на Восток...

Одному Богу известно, сколько боли и слёз видела эта дорога лютая, сколько крестов покосившихся выросло вдоль обочины.

Ехал в таком обозе и маленький казачок пяти лет отроду, с именем, данным ему попом Прокопием, Константин.

Помнил Костик, как собирались они в путь всей своею деревнею.

– Куды ж везёшь ты нас, окаянный? – причитала мать – Ребятишек орава, погубим же!

– Цыц, раскудахталась курица, – грозил ей отец, кряжистый светлородый голубоглазый мужичок, который, не смотря на несдержанный нрав, оставался для домочадцев своих добряком каких поискать – вон уж Дорофеевы уехали и землю купили, и избу сладили. Не одне ж сподобились, всем миром. Брат, ежели что, подмогнёт. Не пропадём!

Так и потянулись денёчки длинные в бесконечном скрипе несмазанных колёс, криках мужиков, да баб, рёве ребятишек малых....

Один лишь Костик не тужил. Правда, два раза уши отмораживал, да кашлял смерть как шибко. Вёсна то в России, сами знаете, какие – день припечёт, а день и снег вперемешку с дождичком, да ветер сквозанёт так, что и с ног вон.

Больше всего любил малец помогать отцу, управляться с лошадьёю, уж больно она была норовиста. А мамка держала его на привязи.

– Костаяяя, ты куды побёг пострел, зашибёт тебя энта зараза!

– Не зашибёт! – кричал ей Костик. – Я её крепко держу хая – моряйскую!!!!

Мальчонка, хоть и мал был, а понимал мать. Трясётся она над ним, потому как схоронили они в дороге дальней сестрёнку младшую Нюсю. Да и не они одни...

Вон третьего дня загрызли волки голодные, ребёнка у матери. Так она и сидела теперь в телеге сама не своя, выла, причитала, да каялась. Мужики тогда само собою побегали, из ружий в лес постреляли, да толку от этого. Дитя то уже не вернёшь. А бабу ту люди жалели, одну бросать и не думали. Ведь горе такое не каждая вынесет.

Не осталось девок в семье у Костика, а парней было хоть отбавляй.

Павел – старший, ему уж 17 минуло. В Вятской губернии окончил реальное мужское училище. Умный он вырос и очень степенный, во всём отцу помощником – и уток настрелять, и дров наколоть, и со скотиной управиться.

Иван тожно был ничего себе грамотей, осилил три класса школы церковной.

А вот Егорша выучиться не успел, да и учился он очень плохо.

– Не способный ты к наукам, Егорий, – говаривал ему, было, отец. – Ну, ничё, жизня она тебя быстро всему научит...

Почитай две недели прошло со дня Пасхи, как въехал крестьянский «табор» в Уфимскую губернию, в предгорьях Урала, к новому месту своего жительства. Там, из письма Петра Дорофеева, продавал землю по 20 рублей за десятину помещик Мартынов всем желающим. Желающих оказалось много, только вот рубликов у всех по-разному. Кому Бог помог, скопили на батрацких работах да хозяйстве невеликом кто на одну, кто на две, а кто и на более десятин.

Отец у Костика был мужиком сноровистым, работы не боялся никакой – и избу поставить, и сена накосить, и плуг поправить. Одним словом на все руки мастер. Как говорят, корнем в свой род пошёл. А род его почитай с Ивана Третьего тянется. Разбойничали в то лихое время казачки на Вятчине, беглых много было из Московии. Вот и решил их Иван царь на службу свою поставить, чтоб озорство такое прекратить. Кто не согласный был, за Дон отправился, а согласные остались и службу свою исправно несли.

Из таких служивых и происходила семья Казаковцевых, Костина семья.

Улыбнувшись яркому утреннему солнышку, он потёр глаза и немедля ни минуточки, подскочив с мягкой пуховой перины, побежал, путаясь в длинной сорочке, по большому богато обставленному дому к комнате своей дорогой матери, которая была сегодня именинницей.

– Маменька! Маменька! – кричал звонко темноволосый малыш Георгий, перебирая босыми ножками по каменному полу. – Маменька! – наконец, остановился он у заветной двери. – С днём ангела, маменька! – резко распахнул мальчик двустворчатую и, отчего-то, замер на месте.

Покои его родительницы были совершенно пусты, и вещи внутри находились в полном беспорядке. Всюду валялись матушкины надушенные платья, меха, корсеты, разорванные

книги, цветы, булавки и банты, а мятая постель добавляла ещё большей неприглядности увиденному...

– Маменька – отшатнулся перепуганный ребёнок. – Где ты?

И тот час к нему подскочили пожилой слуга и молоденькая немка-гувернантка. Они стали уводить ребёнка прочь.

– Пойдёмте, барин голубчик, пойдёмте – говорил старик Пантелей ласково – Не надо вам на это глядеть...

Но парень и не думал уходить. Он, вырвавшись из цепких объятий слуги, уже бежал по дому в поисках маман. Мелькали всюду какие-то незнакомые лица, пьяные и безобразные. Распущенные кавалеры и дамы, не ведающие стыда, веселясь, показывали на него своими потными пальцами. В хозяйской гостиной, прямо на полу, расположились цыгане. Они ели, пили, пели, спали и бодрствовали, не обращая ни на кого внимания...

– Георгий Кондратьич, постойте! – услышал малец позади и, не оборачиваясь, пустился на второй этаж к комнате отца.

Из-за двери родителя раздавался раскатистый храп.

– Она непременно там! – сказал пострел и вошёл внутрь.

Мартынов старший валялся пьяный на полу в рубахе, с пятнами крови, а на его постели сидел кудрявый, испуганный цыганёнок.

– А где моя мама? – спросил его Жора.

Но незнакомец ему ничего не ответил, а только стал нервно и часто икать.

Георгий почувствовал, как уводит его Пантелей, и гувернантка делает ему очередное внушение.

– Вы забылись, молодой человек?! – шипела она с акцентом – В комнаты родителей вход нельзя!

Да плевать он хотел на это.

– Где моя маменька? – повторил в который раз юный барин.

– Уехалас – переглянувшись с гувернанткой, сказал растерянный слуга, и, опустив глаза в пол, добавил – Навсегда уехалас...

Глава 1

1889 год. Башкирская губерния.

Неумолимо бежит время, быстро отстукивает оно часы и минуты жизни людской, не оставляя в покое ни старого, ни молодого. И вот уже Костик подрос и вытянулся до плеч отца своего. Светленький, голубоглазый отрок был радостью Тимофея, его опорой и помощником во всём.

Сегодня, как всегда по воскресеньям, он с родителем приехал в волостной центр Иглино на ярмарку, место сбора люда торгового. А после заглянул туда, где душа его от волнения замирала, и сердце готово было вырваться из груди...

– Будешь чё брать-то? Будешь чё брать-то, говорю?!

Очнулся, наконец, парень от сильного толчка в бок.

– Чё онемел? Не будешь ничё брать, тагды иди отсель! – сказала ему толстая баба в тулупе и шали, возвышающаяся за мальчиком в очереди.

Была эта лавка торговая каменной, добротной, с железной крышею, да колокольчиком на двери. Прилавок, не как у других, облезлый да грязный, а чистый, широкий, гладкий, из тёмного дерева. Внутри товара всякого тьма тьмушая, и полки гнулись от изобилия того.

Но Костя ничего вокруг себя не замечал, да и не за этим он сюда пожаловал...

– Сейчас, сейчас – засуетился отрок. – Мне мешок муки и соли пуд...

Бойкая румяная девчонка, хихикнув, стала проворно обслуживать его.

«Ну что я в ней нашёл, – подумал про себя мальчик, наблюдая за бойкой лавочницей – ничего особенного, ни красоты такой, что бы ах. Лицо круглое, широкое, веснушки по всему носу, ямочки на щеках, рыжие волосы в косички заплетённые, а как увижу её, столбенею, как вкопанный. Ну, хыть бы повадки как у Лизки Емельяновой, так нет, и энтим не вышла. Голос звонкий, командный, на месте как волчок крутится! Да...»

И всё-таки, что—то определённо, как магнитом, тянуло его к ней.

Костя робко взял сдачу и вышел на улицу. Там сына в санях уже поджидал отец. Мороз инеем подёрнул его усы и бороду.

– Пошевеливайся, Константин, нам ишо засветло домой надо поспеть...

Но засветло домой они не успели. Буран, столбом поднимая снежные кучи, преграждал путь ездовым. Лошадь то и дело проваливалась в наст, норовя перевернуть поклажу.

– Чёртова скотина, давай, давай, пошла!!!! – кричал на неё Тимофей, с трудом вытягивая поводья.

Костик ёжился от колкого ветра, поворачиваясь к нему спиной, но даже овечий полушубок не спасал его. Морозы в этом году были особенно крепкими, однако, несравнимыми с теми, что пришлось испытать мальцу в первый год приезда сюда. Не успев выстроить дома до снежных мух, жили переселенцы в землянках, спали, не раздеваясь, на ледяном полу и вновь умирали целыми семьями от хворей.

Костя услышал лай деревенских собак.

– Ну, всё, почитай прибыли наконец-то – сказал он и вздохнул.

Преодолев ещё с версту, сани наконец-то остановились у высоких ворот. Отец спрыгнул в снег и принялся колотить в двери.

На стук их выбежала встречать мать, растрепанная, в одной сорочке и шали сверху.

– Ну, что ж так долго-то?! – заворчала она.

– Подишь-то не на паровозе ехали – буркнул в ответ супруге Тимофей. – Чего хоровадишься, иди парня грей, да харч ставь.

Костик смёл веником снег с валенок, отряхнул шапку, зашёл в избу. Дома было чисто и натоплено, в углу, под иконами горела лампадка, на вышитых оконных занавесках играли тени от зажженной свечи, на длинном столе, прикрытые рушником млели пироги. Мать давно поджидала их. После сытного ужина парнишка полез на печь спать. Но сон всё не шёл. Он снова видел румяное веснушчатое лицо, такое дорогое его сердцу.

– Ну что ты будешь делать. Опять она, – подумал про себя Костя – Мотя, милая Мотя...

На холмах разлеглась деревенька Кушаки, небольшая, в несколько неровных улиц, бревенчатая, с соломенными крышами, покосившимися заборчиками, амбарами, да сараями. Охваченная полями со всех сторон, ельником, да речушкой Лобовкой снизу. Утопающий теперь в снегу крестьянский рай жил своей спокойной, размеренной жизнью...

Они шли гуськом по тропе меж огородов, оставляя вереницу следов позади.

– Мы когда придём, ты шапку-то с ушей сыми – говорил озабоченно Тимофей своему сыну Ивану. – Да поклонися пониже, всё ж таки уважил нас соседюшка.

Высокий парень, лицом весь в мать, чернявый, кареглазый, тонкогубый, слушая отца внимательно, тащил с собою заплечный мешок.

– Авдот-то он мужик сурьёзный, дельный – не унимался с нравочениями родитель. – А коль не отказал, делай всё как велит. Хозяева! – постучал в чужие ворота отец, вошёл во двор и поклонился – Мир вашему дому!

– Ааа, Тимоха! – приветствовал его Авдот Емельянов, поправляя сбрую кобылы, уже запряжённой в сани – Ну шта привёл своего чертяку? Славный паря! – засмеялся он в длинную бороду и похлопал Ивана по плечу – Хорошой с него рабочий получится!

– Не сидится сынам нашеньким дома – посетовал Тимофей. – Всё убечь норовят. Павел в городе, и энтот туды ж сподобился...

– Да, ладно, ты, ладно! – стал успокаивать друга Авдот. – Сам знашь, детки, что птенцы желторотые. Чуть подросли и ну из гнезда. А за своо охламона не беспокойся! Расторгуюсь на рынке в столице губернской и к брату яво отвезу. Ну, уж и ты меня здесь уважь. Состругай, как уговорено, гробик для тяти. Очень он теперя на красот- то падкой – прослезился Авдот. – Говорит, мол, в миру убогонько жительствовавал, так хоть там в лепоте поживёт.

– Царский гробик я яму слажу. Дажно не сумневайся.

– Тять, а зачем деду Елисею гроб-то? Он ведь бодрый и не помер ишо? – спросил удивлённый Иван.

– Эх, Ваня, ты, Ваня! Много ты понимаешь? – с упрёком произнёс Тимофей – Человек завсегда об энтот думать должен. Приготовливаться заранее, а не когда сам знашь кто на горе свистнет. Призовёт, к примеру, Елисея господь, а он яму: « Вот он я. Пожалста. Завсегда рад». А не то шта там не хочу, не могу!

Авдот согласно кивая головой, стал выводить кобылу на улицу, где его уже поджидали в санях ещё двое селян, направляющихся вместе с ним в путь. Тут выскочило из избы семейство Емельяновых, а на Иване повисла подошедшая проводить его мать. Авдот, отвесив низкий поклон домочадцам, неспешно вместе с попутчиком уселся верхом на товар, и обоз, звеня бубенцами, тронулся. Бабы, подвывая, ещё долго бежали следом, а Тимофей, с тяжёлым сердцем посмотрев на удаляющийся силуэт второго сына, отправился домой столлярничать.

Весна в этом году не заставила себя ждать. С первыми каплями потекли по холмам ленточки воды, напитали влагой и без того плодородную землю. Заблагоухала кормилица молодыми травами, задышала, призывая селян прикоснуться к себе. И потянулись крестьянские телеги в поля, и закипела повсюду работа.

– Большая ты фигура, Егорша, а дура – ворчал отец в очередной раз на конопатого увальня, взад вперёд бегая по двору.

– Тять, прости, задумалси я – оправдывался перед родителем Егорий.

Он шмыгнул своим курносым носом и почесал рыжий нечёсанный затылок.

– Туды ж тебя через коромысло! Задумалси он – продолжил кричать Тимофей на сына – Да чем тебе там думать-то?! Ты пошто свиней брагой напоил, дурья твоя башка?!

– Дык, я ж не знал, смотрю, стоит тама в ведёрке, я и плеснул. А оне и зачавкали...

Из стайки разносилось радостное похрюкивание. Отец сморщился.

– Зачавкали они. Скоро мы с тобою зачавкаем – Тимофей нахмурился – Правду говорят, у Егорки на всё отговорки. Не дал боженька ума, считай, калека...

После отъезда в город Ивана и Павла, старшим в доме среди сынов остался Егор. Высокий он вымахал, здоровый, а ума, что у птички – невелички, как отец про него сказывал. Пошли Егория за водой, он ведро в колодце утопит, заставь костёр разжечь, он себя самого подпалит, удочку дай, ломает, гвозди погнёт, а уж топор и ружьё Тимофей ему и подавно не доверял. Вот и слагали о рассеянности, да глупости сего отрока в деревне легенды. Как он сук под собой подпил, когда за дровами в березняк за горою ходил, как кроликов зачем-то выпустил, а потом собрать ушастых не мог. И кто теперь в здешних лесах прыгал, то ли зайцы, то ли Егоршины подопечные людям было не ведомо...

– Ну, что ты всё на него ругашься-то, Тимоша? – как всегда заступилась мать за своё дитяtko – Разве ж в уме дело то? Да для мужику и не энто вовсе главное.

– То, что у него главное, я хорошо вижу! – снова поморщился отец – Как он энтим главным семейство своё кормить сподобится? – Тимофей поразмыслил – Собирайся, Коська – наконец, обратился он к младшему сыну. – В поле поедем, рожь сеять пора...

Они передвигались на телеге, молча, предварительно загрузив с собою несколько мешков с зерном.

– Ну и как я один с энтим олухом остануся, когды и ты надумашь в город убець? – вдруг спросил отец растерянного парнишку.

– Я, тять, тебя не брошу. Я с тобой проживать завсегда буду – сказал Костик искренне. – Да и чего мне там делать, в городе-то?

– Вот энто ладно! Да хыть бы уж! – вздохнул облегчённо Тимофей и засвистел в хорошем расположении духа, подгоняя пятнистую кобылёнку.

А потом они сеяли рожь широко, размашисто. Землица им досталась черна, жирна, плодородна. Такая, о которой мечтал каждый хозяин, но не каждый такую имел.

– Кормилица-матушка, возрасти хлебушек налитой, тяжёлый, упругой, – наговаривал отец, бросая горсти семян в пашню – на радость нам трудолюбцам пахарям...

В красной рубахе атласной и хромовых сапогах, он гонял в загоне по кругу гнедого статного скакуна.

– Хорош! Хорош! – хохотал Мартынов старший как труба, не считая нужным сдерживаться – Тыщу рубликов за него отвалил, господа! Цельное состояньице! – хвастал хозяин перед многочисленными гостями, созданными по случаю нового приобретения – Красавец! А, каков! – ударял он плетью о землю, и конь бежал всё быстрее, демонстрируя всем собравшимся каждую мышцу своего крепкого лошадиного тела.

– О, шарман! – восторженно кричали разодетые дамы, обдувая себя веерами.

– Славный жеребчик – говаривали, завидуя, бородатые купцы.

– Да, уж. Удивил, так удивил, Кондрат Андроныч! – улыбался в усы племянник аж самого генерала-губернатора.

– Мы с ним ишо всех за пояс заткнём! – не унимаясь, орать самодур – Попомните меня ещё! Филиппка, второго веди!

Солнце на небосклоне всё припекало, обдавая жаром своим и заливные луга, и лес, и мелководную речушку. Оно проникало и сквозь одежды гостей, делая их лица пунцово-красными.

Георгий ощутил, как по спине его струйками стекает пот, его стало подташнивать от полуденного зноя и неуёмного бахвальства родителя своего, и подросток решил отойти в сторону.

С тех самых пор, как исчезла из дома его мать, прошло много лет. Но чувство одиночества не покидало юного барина. Он бесконечно мучился мыслями о случившемся, страдал и терпел ежедневные оскорбления отца своего, дикого нравом, отчего сам, порою, становился несносен и груб.

Жорж уже собирался окончательно покинуть это сборище неприятных особ, как вдруг заметил вновь прибывших: купца Колесникова, рыжебородого статного мужика, и его дочь. Он подошёл к гостям ближе.

– А это моя Матрёна – представил родитель свою любимицу, зеленоглазую, рыжеволосую девочку.

– Мотя – совершенно не стесняясь, открыто протянуло новому знакомому руку юное создание в летнем платьице в пол. – Матрёна Матвевна – добавила и засмеялась...

И столько в ней было тепла и простоты, какой-то земной, понятной, глубинной, вскормленной молоком матери, возвращенной животворящей природой.

– Георгий – отчего-то высокомерным поклоном ответил ей отрок.

– Какие у вас лошадки красивые – улыбнулась девочка приветливо.

– Ничего особенного! Красивее видали!

– А разве могут быть ещё краше? – подняла она свою бровь.

– Могут. Хотите поглядеть?

– Хочу.

– Тогда пошли.

И Георгий, взяв Матрёну за руку, повёл её в большую, каменную конюшню.

Внутри пахло сеном, овсом, навозом и конским волосом. В широких загонах стояли породистые жеребцы, кобылы и молодняк. Парень водил гостью из отсека в отсек и знакомил с каждой особью в отдельности.

– Ну, а это – уже заканчивал свой показ подросток – мой любимец.

И ребята вместе, смеясь, стали гладить гриву серого жеребёнка, который только недавно научился стоять на своих неокрепших ножках.

– Ветерок у меня чемпионом будет! – подкладывал ему сена Жорка – А там его легендарный папаша – повёл он Мотю в последний отсек и, открыв его, опешил не менее гостя.

– Ты? – спросил Георгий брезгливо – Ты ж сбежал?

На подстилке из сена, забившись в угол, сидел оборванный смуглый парень, цыганской наружности, ноги которого были закованы в цепи. Сердце девочки сжалось от сострадания.

– Отчего он здесь? – спросила она.

– А это новая забава моего отца – ответил, багровея от злости, Жорка и достал хлыст – На, цыганское отродье! – вдруг хлестнул он несчастного наотмашь – На, получай!

Но Мотя закрыла собой беззащитного.

– Хватит! – выкрикнула девочка – Опомнись! Он и так нелюдем обиженный! И ты такой же?!

Георгий в отчаянии бросил хлыст и устремился прочь.

– Да кто она такая?! – несли его ноги неведомо куда – Да как она смеет?! – возмущался парень, вытирая слёзы – Да пропадите вы все пропадом!

Костя заглядывал внутрь и удивлялся тому, как там всё устроено. Полосатые, большие и маленькие они перебирали лапками, ползали друг по другу, почёсывали свои хоботки, сбрасывая принесённую с цветов пыльцу, и постоянно жужжали, жужжали, жужжали...

– Ну, что, сынок, видал? Как оно? – спрашивал отец.

– Ага! Ни чё себе! – отвечал ему восхищённый Костик.

– Оне навродь людишков тама, своим общиством проживают – вкрадчиво говорил Тимофей. – Со своим, можно сказать, правлением. Вона matka улия, царица ихняя, – показал родитель на самую большую пчелу в семействе – а вон и трутни с работягами. Всё как в роду человеческого. Так-то вот...

С тех пор как переселенцы обустроились на новом месте, Тимофей, единственный в деревне, попробовал себя в неизведанном деле. И это дело стало приносить ему не малый доход, с которого планировал смышлёный крестьянин земли ещё прикупить, да сынам родным копеечку подбросить...

– Ну, что пойдём картоплю пекчи? – сказал, наконец, младшему сыну отец и отправился в сторону разведённого на окраине леса костерка, где уже сидело несколько чумазных, деревенских подростков.

– А я те толкую, змей здесь тьма тьмущая! – говорил косматый подранок Савка своему другу Кольке – А где змеи тама и лешаки. Энто оне людёв-то имя пугают.

– Нету здесь никаких лешаков. Мы с тятёй сколь разов на охоту хаживали, ни одного ишо не видали! – возразил Савелию приблизившийся к друзьям Костик.

– Ага! Как же, нету! Я самолично его встрентил! И Миха со мною был! Мих, скажи! – толкнул косматый локтём, примостившегося рядом с ним парнишку.

– Угу – поддакнул тот.

– Только не в лесу энто было, а на поляне, – продолжил Савка – возле Соколиной балки. Стоит такой страшнющий! Песню тянет, скачет как юродивый, да рукою в круг ударят! Ох, и напужались мы тогда!

Тимофей улыбнулся.

– Дык, энто не наш лешак-то был, а башкирской. Народа, что здесь до нас проживал – вставил тут он – Ихнии лешаки на вроде знахарей нашенских, вместе с людьми живут.

– Ууу. Я б к такому не в жисть не пошёл! – сказал, как отрезал, Савелий – Съест тебя и не подавится.

– Ты костлявый! – хлопнул по плечу рассказчика Миха – И не вумный!

– Кто?! Я не вумный?! – возмутился тот – Да я поумнее всех вас тут буду! Я да вон Коська! Мы одне тут грамоте обучены! – показал Савка кулак обидчику – Не то, что ты...

Мишка сощурил глаз и стал дуть ноздри, приготовившись напасть на всезнайку.

– Э, э, грамотеи! Ишо драки мне тут вашей не хватало! – остудил пыл сорванцов Тимофей – Лучше вона за картоплей доглядайте, а то сгорит совсем...

Он палочкой пошерудил угли и выкатил из костра шипящую картофелину.

– Ну, кто первый?

– Я! Я! – закричали ребята.

– А первым будет Николка, как самый что ни наесть спокойный про меж вас – подытожил отец Костин.

И худенький, скромный Николай заулыбался.

Мужчина посмотрел на недовольные лица обделённых ребят.

– Но, но, не вешать носы! – поспешил успокоить он их – Вот и вторая на подходе уже шкварчит.

Они долго ещё так сидели, ели и разговаривали. О том, как гроза посекала берёзу вчера, о весёлом «Петрушке» на ярмарке, об охоте и о рыбалке, о добре и зле, о Боге, царе и о вере...

Он любил мечтать не менее любого другого отрока его возраста. Грезил о путешествиях и писательстве. Знал большое количество языков. Его привлекало всё новое, неизведанное. Ещё в младенчестве, открыв в себе страсть к наукам, много читал, увлекался историей и медициной, философией и картографией. Предпочитал стихи и цитировал их наизусть.

– Георгий Кондратьич, к вам сынок Колесниковых, Прохор пожаловалис – сообщил вошедший в барские покои слуга.

Жорж закрыл книгу и посмотрел на вечно пресмыкающегося дворового.

– Проводи его в библиотеку, голубчик – снисходительно сказал юный барин, совсем ещё детским голосом. – Я скоро туда подойду.

Он отложил в сторону томик новелл и, поднявшись с дивана, приблизился к оконному проёму, за которым слышались многочисленные голоса.

На зелёной лужайке перед домом, как всегда, толкаясь и тесня друг друга, собрались люди. Крестьяне и мелкие лавочники, мастеровые и ремесленники, все жаждали встречи с Мартыновым старшим.

– А ну пошли отседа! Чего заявились?! – орал на просителей одноглазый Филиппка – Хозяина щас нет!

– Родненький, как же нам жить теперя?! – бросилась к нему со слезами несчастная баба – Ведь единого кормильца на каторгу упекут! – взмолилась она, упав на колени – А Кондрат Андронич повременить обещался!

– Пошла прочь! – брезгливо оттолкнул её приказчик и ударил кожаной плёткой – Пушай твой кормилец должок отдаёт!

– Так не чем – продолжила ползать по земле, рыдая, убитая горем. – Ребятишек у нас пяток...

У Георгия сжалось сердце, и готово было разорваться от возмущения. «Да как он смеет!»

– А ну, ступай сюда! – крикнул парень приказчику из окна.

Тот, обернувшись на зов, немедленно устремился к молодому хозяину, и уже через минуту стоял перед ним. Средних лет, бородатый отцовский угодник.

– Ты за что её ударил, сволочь! – взревел Жорка отчаянно – Кем ты себя возомнил?! – отвесил он наглецу оплеуху.

– Георгий Кондратьич, с ними иначе нельзя – стал юлить хвостом одноглазый. – Это ж никакого капиталу не напасёшься. Да и папаша ваш гнать их в три шеи велел...

– Это я тебя прогоню, пёс! – не унимался Георгий – Это ты у меня капиталу не напасёшься, по миру пойдёшь! – продолжил он орать на приказчика и вновь приложил его по лицу.

– Бей его курву! – вдруг услышал Жорж у себя за спиной пьяный голос отца – Наподдай сучьему выродку!!!

Георгий обернулся. Мартынов старший подошёл ближе и ухватил слугу за ухо.

– Слюнтяй! – рявкнул он на сына – Бить надо, чтоб до самых потрахов, до крови поганой!!! – трубил он на весь дом, продолжая таскать скулящего холопа – Да, Филиппка?! Деньжат-то своровал у меня много?!

– Какие деньжата, батюшка кормилиц? – взмолился приказчик – Верой и правдой всю жисть вам служу...

Хозяин опустил свою руку.

– Пошёл вон! – рявкнул он грубо и, доковыляв до дивана, повалился на него – Да голодранцев смотри там гони! А не уйдут, передай, собак на них не пожалею! – захрапел Мартынов старший.

Филиппка тотчас исчез. А Георгий только теперь заметил в дверях своего гостя, о котором совсем позабыл.

– А ты чего здесь? – сказал он недовольно упитанному чернявому барчуку, его ровеснику – Я велел тебе в библиотеке дожидаться – буркнул Жорка.

– Так я тут услышал – ответил гость невпопад и восхищённо посмотрел на спящего. – Какой у тебя папаша всёж-таки! Силища!

Георгий тоже глянул на родителя. Потное, одутловатое, жадное до денег, не ведающее ни жалости, ни сострадания животное. Яркий представитель всесильных мира сего.

Как же ему хотелось его сейчас убить...

Жорка сплюнул и отошёл в сторону.

Ссоры в починке крестьянском бывали не редки. То муж жену вожжём приголубит. То соседи подерутся. Эка невидаль! Но такого здесь не случилось ещё никогда...

На растревоженный улей теперь ходил двор Казаковцевых, да и вся улица. А народ всё прибывал без конца...

– Ты говори, говори, да не заговаривайся, поскудник! – орал Тимофей что есть мочи на сына своего распутного – К Павлу он намылился! А как же она?!

Показывал Тимофей на низкорослую пухлую девицу, которая, обнявшись с матерью Евдокией, рыдала в три ручья.

– Тоньку ты обрюхатил, курва?!!!

Над головой Егорши просвистели вожжи. Тётка Евдокия, бросив жалеть своё дитя, вцепилась в его рыжие волосы. Дядька Захар, отец бедной Тоньки, схватил дочь за длинные косы и стал таскать её по двору.

– Ах, ты ж патаскуха!

Не остались равнодушными к происходящему и люди. Бабы Егоршу ругали да постукивали, бородатые мужики, стоя в сторонке, откровенно гоготали, а дети радовались.

Но больше всех происходящее задело отца.

– Ишь, зараза, удрать удумал! – кричал Тимофей на сынка – А жениться на ней я буду?!

И наконец, Егорий сдался.

– Ладно, ладно я согласный!

Страсти постепенно стали утихать. Свадьбу решили сыграть не мешков.

И через три дня Егоршу женили. Всей деревней, радостно, пьяно, весело. Длинные столы с пёстрыми скатертями уставлены были деревенскими яствами. Бабы в нарядных кофтах, сарафанах, да платках, ещё недавно почивавшие тумачами жениха, теперь, целовали его в румяные щёки, желая счастья. Мужики в косоворотках и сапогах начищенных то и дело Егорию подмигивали, да пили с ним брагу.

Костика, как прочих мальцов, из-за стола не выгнали. Теперь он считался вполне себе взрослым и сидел довольный между отцом своим и братом Павлом, приехавшим в родительский дом накануне ночью.

– Как поживаешь, Костя? – спросил его старший брат, когда весь честной народ пустился в пляс.

– Живём помаленьку – взглянул подросток на статного русоволосого улыбочивого парня, с ямочкой на подбородке. – В прошлое воскресенье с тятей на ярмарку ездили. Мёд весь как с куста ушёл.

– Да, медок то у отца славный! Помню, как однажды, я ему на пасеке помогал, как покусили меня там шибко, да как тикал я вперёд своих штанов, спасаясь от полосатых разбойников бегством.

Костик засмеялся, представив это, а Павел о чём-то задумавшись, спросил.

– Ты знаешь, какая у нас стройка затевается?

– Слышал! Мы «Губернские ведомости» с тятей читали.

– Скоро вы с ним не на телеге, а на паровозе на ярмарку ездить будете.

– Да ну!

– Вот тебе и да ну. Паровоз-то хочешь поглядеть?

– Хочу...

– Приезжай ко мне в город осенью после покрова, я тебе и паровоз, и депо, и как рельсы кладут покажу. И к Ивану в железнодорожные мастерские заглянем...

– Да меня тятя не отпустит.

– Ничего, я с ним сам потолкую.

Но ехать Костику далеко не пришлось.

Уже весной грандиозная стройка, стройка века, как её тогда называли, сама приблизилась к их деревеньке Кушаки. Тысячи рабочих, гружёных телег с лошадьми, невиданные машины двигались по направлению Уральских гор, оставляя позади сотни вёрст железнодорожного полотна. Там и тут слышались взрывы, скрежет, удары железа о камень. В то время Костя часто бывал у Павла. Он никогда раньше не видел, как ведутся строительные работы и от волнения у него дух захватывало. Рабочие, по большей части наёмные крестьяне, в любую погоду, днём и ночью, вручную – кайлом и лопатой долбили грунт, возводили насыпь, укладывали рельсы и шпалы. Жили здесь же под открытым небом или в наспех состряпанных землянках и бараках. Многие гибли. Как говорил Павел от натуги или и ещё от каких недугов.

Павел работал у самого Тихомирова, опытного инженера – путейца. Тихомиров заприметил смышленного земляка ещё в Уфе и взял его к себе в помощники. Павел вместе с партией проводил разведку рельефа местности, решая, где гору взорвать, где мост поставить, а где и реку пододвинуть. В общем, недаром отец гордился своим старшим сыном.

Солнце склонилось к обедне, когда Костя подъехал к поселению рабочих. Мать послала передать еды брату – хлеб, молоко, мёд и пироги. Но Павла на месте не оказалось, и парнишка, привязав кобылу к дереву, не спеша пошёл искать его.

Он не сразу заметил на себе прикованные взгляды людей.

– Доброго здоровьичка, Михал Григорьевич – обратился Костик к местному управляющему, чернобородому мужику – А вы Павлуху мово не видали?

– Здоров, Костантин – вдруг замялся здоровенный детина. – Ты энто, ехай домой. Не будет сёдня Пал Тимофеича.

– Как так не будет, с экспедиции не воротился чё ля?

– Домой привезут твоео брата. Взорвалси он. Насмерть взорвалси...

1897 год. Башкирская губерния.

Много воды утекло с тех пор, как схоронили они Павла, и лишь пробегающие мимо железнодорожные составы напоминали о нём его близким каждый день. Мать после смерти сына крепко сдала. Отец тоже иссох, но старался держаться бодро. Егорше Тимофей поставил дом, рядом со своим, и он с семьёй теперь жил отдельно. Тонька оказалась очень плодovitой и была на сносях уже пятым.

Из Уфы им писал Иван, что работает, что общается с интересными людьми, которые «... не только о своём животе пекутся, но и о нелёгкой доле всех трудящихся...».

А хозяйство их подросло. Отец даже взял себе в помощь двух деревенский пьяниц – Ерёму Строгого и Афанасия Перепёлкина, и справно платил им.

– Сопьётесь ведь, собаки, ну хыть бы деток пожалели! – наговаривал Тимофей друзьям-собутыльникам.

Каждое воскресенье Костя вместе с отцом ездил на ярмарку в волость, когда на паровозе, а когда и своим ходом. И каждый раз он заходил в лавку к ней, к Моте...

Они оба выросли. Он возмужал, вытянулся высок, расправился плечами. Чётко очерченные скулы и квадратный подбородок уже покрывала мужская щетина, а светлый волос на голове, да кайма длиннющих ресниц вокруг голубых глаз, ничуть не портили его, а наоборот придавали всему облику юноши некой трогательности и ранимости.

Матрёну тоже было не узнать. Из неказистой девочки-подростка она превратилась в очаровательную барышню, налилась как спелое яблочко и хороша была теперь необычайно, а однажды даже заговорила с ним.

– Ну что ты всё смотришь? – улыбнулась зеленоглазая, взглянув на смущённого парня – Влюбился чё ль? Так сватов засылай....

Если бы он только смел надеяться...

– А можно, Мотя? – спросил Костя робко, сам не веря в то, что говорит.

– Эх ты, тёма – потёма! – засмеялась Матрёна, отбросив назад свою рыжую косу.

И мысль о сватах перестала покидать Константина. Но Тимофей и слышать ничего не желал.

– Ты мне за Мотьку Колесникову дажно не заикайся! – отрезал он – Нашёл невесту! Ты знаешь, кто её папаша? Да он с самим Мартыновым дружбу водить. Мы для них, что воши. Ну чем тебе Настасья Дорофеева не пара? И умница, и красавица. И с отцом ёйным мы в согласии всегда проживали. А Лизка Емельянова, уж ссохлась вся по тебе....

– Тять, да не нужны они мне.

– Ты, Константин, энту дудку брось, заладил. Нет. Вот тебе мой отцовый сказ.

Прошёл месяц с тех пор, как Костя видел в последний раз Матрёну. Улучив момент, когда отец пошёл покупать снасти для рыбалки, он вновь заглянул в лавку. Там было пусто и темно. Мотя стояла у окна, но парень не узнал её. Вся в чёрном, она была похожа на маленького, растерянного воробышка, только что выпавшего из гнезда.

– Что случилось? – вырвалось у Константина.

– А, это ты? – грустно посмотрела на воздыхателя девушка – Здравствуй – приложила Матрёна платочек к своим глазам. – Отец помер, сердце – нахмурилась Мотя. – Это всё водка проклятушая, будь она не ладна. Уж сколько я ему говаривала, не пей, тятя, не пей. Так ведь ему никто не указ. Хоть и хапуга он был страшный, а всё ж таки любил меня, ягодкой называл – всхлипнула девушка. – Мамки-то давно нету у нас, от чахотки померла. Вот теперь всем мой сводный братец Прошка заведует. А ему всё одно – вздохнула Матрёна. – Спихнуть поскорей меня с глаз долой из родительского дома дружку своему закадычному Жорке, да денег с него поболее содрать.

Внутри у Кости всё перевернулось и, не ожидая от себя подобного, он сказал.

– Моть, пойдём за меня, я ведь тебя с малолетства люблю. Ты же знаешь...

Девушка посмотрела на парня пристально.

– Любишь? – немного подумала она – Да разве ж братец меня за тебя отдаст?

«Не отдаст, нипочём не отдаст» – клокотало в груди у Кости.

Он вдруг шагнул к Матрёне и взял её за руку.

– Моть, давай убежим, сегодня ночью, я тебя ждать буду у ключа на заимке. Придешь?

Девушка помолчала немного, а потом тихо спросила.

– А без приданного возьмёшь меня?

– Возьму! Конечно, возьму! – сам не свой от счастья выкрикнул Костя.

– Тогда приду. Обязательно приду. Жди...

В лунном свете, на окраине Иглино, он, то сидел на поваленной берёзе, то ходил взад вперёд, прислушиваясь к каждому шороху и звуку. В пустых дворах лаяли собаки, в домах гасли последние огни. «Где же она?» – думал про себя Костя. «Не помешает ли кто его счастью?» – тревожился он.

И вдруг вдалеке парень увидел её. В простеньком сарафанчике и платочке, Матрёна бежала к нему с узелком.

– Мотя! – сорвался навстречу Костя – Мотя!

Они остановились напротив.

– А вот и я – произнесла смущённая девушка и опустила глаза.

И юноша немедленно схватил любимую на руки и стал кружить её.

– Пришла! Пришла! Ягодка моя! Всё отдам за то, чтобы ты была рядом!

А Матрёна смеялась, запрокинув голову.

– всю жизнь тебя буду любить! До последнего вздоха! – не унимался парень – Знаешь?

– Знаю – отвечала она.

– И не отдам никому!

Костя поставил девушку на ноги, робко поцеловал и посмотрел ей в глаза.

– Теперь ты моя навсегда...

– Навсегда – повторила, словно эхо Матрёна...

Эту ночь они провели в заброшенном амбаре. В лунном свете, пробивающемся сквозь древесные щели, лёжа на сене, обнявшись, Мотя рассказывала ему про свою жизнь. Как мамку схоронили, как в их дом пришла мачеха, и как она чуть не сгноила падчерицу, потому что та застала её с воздыхателем. Как отец, царствие ему небесное, несмотря ни на что любил и баловал свою Мотюшку, и даже возил однажды в театр в город...

А потом девушка спала у Кости на груди, такая маленькая, беззащитная, и он гладил её рыжие волосы...

Светало. Повеяло прохладой. Где-то далеко в деревне прокричали первые петухи...

– Мотя, вставай, нам в церкву ехать надо – ласково стал будить любимую Константин. – Нас батюшка Семион обвенчать обещался...

Белокаменная, с позолотой на куполах, встретила их запахом елея, воска и ладана. Лики святых, как многочисленные свидетели и гости сего бракосочетания, строго и блаженно смотрели на них.

Матрёна глянула на Костю и сказала.

– Мне страшно...

– Ничего не бойся. Я люблю тебя и всегда буду рядом – произнёс он, и поцеловал девушку так страстно, что она в ту же минуту забыла обо всём.

А далее было венчание, которое, впрочем, закончилось быстро, поскольку батюшка, не сдержанный в своих греховных желаниях, то и дело поглядывал на бутылку, поставленную для него на лавку.

– Благословляю вас, дети мои! – окрестил напоследок отче молодых одной рукой, держа в другой булькающее подношение – Живите в мире и согласии...

И вот уже Костя вёз жену к себе домой. Каурый конь шёл по просеке пешком, а молодые снова разговаривали обо всём...

– А если твой тятя нас прогонит? – вдруг спросила Мотя.

– Да ты что... – Костя засмеялся. – Да, он только и ждёт, чтобы я скорей обвенчался, да супругу в семью привёл – парень подумал немного. – Отец у меня такой маленький, кряжистый, а силище в нём, не приведи Господь. Вот увидишь, он тебе понравится...

Матрёна улыбнулась.

– А маманя?

– Маманя, тихая, спокойная, простая. Всегда за всех переживает. Особенно за сына Егория. Тот у нас не от мира сего...

Мотя удивилась.

– Отчего?

– Всё теряет, крушит, ломает...

Парень вдруг наклонился, сорвал с куста ветку малины с ягодами, протянул её Моте.

– В общем, сама его скоро узнаешь...

Матрёна взяла рукой малину, положила её себе в рот.

– Значит, весело заживём?

– А то...

Пришпорил коня Костя, и он пошёл бегом. Молодых обдало ветерком. Лес перед ними словно расступался. А Матрёна смеялась, смеялась... Так ей было хорошо...

Молодые не заметили, как каурый вывез их в поле. Там местный пастух Кузьмич пас коров. Он, то и дело размахивал кнутом, да материл своих подопечных последними словами.

– Здорово, дядя Кузьма – поприветствовал односельчанина Костя.

– Ух, ты, Константин? Не признал! – вытаращил свои заплывшие от перепоя щёлочки на всадника крестьянин – А ты чего, дома-то не был ишо?

Тревога закралась в сердце парня.

– Ехай скорее, отца твоего всего поломали. Вчера Иглинские по твою душеньку приезжали. А тут Тимофей на них с ружом...

Больше Костя уже ничего не слышал, он нёсся домой во весь опор, не замечая, как из леса к нему приближаются всадники. Наездники в зипунах и картузах, подсвистывая, уже практически его догнали.

– А ну стой! Кому говорят, стой! – заорал во всё горло здоровенный чернявый малый.

В мгновение, новобрачным преградили дорогу. Дитина, спрыгнув с лошади, подбежал ближе и как пушинку стянул вниз Мотю. Остальные четверо подскочили к Константину и принялись избивать его.

– Что, курва, наб...сь?! – басил братец, трепыхая бедную Матрёну. – Я ж тебя Жорке обещал, гнида. Он уже мельню за тебя мне отписал!

– Не трожь его, Прощка! Не смей! Меня лучше убей! – вырывалась сестра из ненавистных лап, не в силах помочь мужу. – Я люблю его! Мы венчаны!

– Ааааа, вы ишо и венчены! – взревел нелюдь и, бросив Мотю, кинулся с кулаками на её спутника...

Костя очнулся от чего-то горячего на своей щеке. Это были её слёзы.

– Родненький, миленький, живой – сидела над ним Матрёна, склонившись, целовала и плакала. – Они уехали, все уехали! Я больше никогда не дам тебя в обиду. Слышишь?

Она посмотрела вверх и повторила кому-то там уже в небе.

– Слышишь меня! Никогда!

Глава 2

1944 год.

Спал Митька крепко, спал и видел свой высокий бревенчатый дом с маленькими окнами под крышей, и черёмуху у забора, и речку что ручей, и стадо коров мирно пасущихся на лугу в долине, и капустное поле, и пасеку. Слышал он и мерный гул поездов проносившихся мимо родной деревеньки. Носом пытался уловить запах свежескошенного сена. Видел Митя и мать старушку. Она ласково гладила его по светлым волосам.

– Сынок, вставай, уже пора...

– Подъём!!! Подъём, мамкины дети!!! – разнеслось громкоголосое по казарме – Ишь ты, все бока отлежали! После войны отоспитесь! – орал во всё горло старшина Фролов.

Митька, вытаращив глаза, подскочил с ещё тёплой постели и вместе со всеми принялся собираться. Стремглав он выбежал на мороз, пару раз поскользнулся на скользкой льдине, но всё же, устоял, а после пополнил собою мальчишеский строй.

Перед курсантами, заложив руки за спину, чуть прихрамывая на правую ногу, уже вышагивал взад и вперёд сам командир, пожилой, усатый вояка.

– Товарищи! – произнёс он, откашлявшись – Сегодня, по распоряжению командующего, запланирован ваш первый тренировочный прыжок с парашютом!!! – чеканил слова Фролов – Прошу всех со всей ответственностью подойти к поставленной боевой задаче! От вас и только от вас зависит...

Какое-то странное чувство волной окатило Митьку, и сердце готово было вырваться в груди.

Ни то чтобы он боялся высоты, нет, ведь прыгал же когда-то с сарая в детстве, да и здесь в учебке с вышки прыгал. «Это вовсе не страх, или всё же он?» – подумал про себя бедолага...

– Вы всё поняли, бойцы? – снова очнулся Митрий от нахлынувших переживаний.

– Дааа – раздалось неуверенное в строю.

– А, совсем забыл. Два человека на кухню...

– Я! – громко выкрикнул Митька, сам от себя не ожидавший такой прыти, и сделал два шага вперёд.

– Я – вызвался и его друг Стёпка.

– Хорошо – кивнул головой старшина. – Остальным готовится к прыжку.

Он сидел на перевёрнутом ведре возле большой посуды с чистой водой и улыбался. Никогда раньше не любил Митька чистить картошку так, как сейчас. Да и надо было ему её чистить, когда не мужицкое это дело. Картохи было много, вся корявая, но Митяя это ничуть не смущало.

«Чтоб она вовек ни кончалась» – думал про себя несостоявшийся парашютист.

– Ты когда с войны домой придёшь, что делать станешь? – прервал мысли товарища взволнованный Стёпка.

Митька взглянул на примостившегося рядом с собою дружка лысого, прыщавого, лопухого и пожал своими плечами.

– Не знаю, не думал ещё. А ты?

– А я на завод пойду – улыбнулся рассказчик – Знаешь, какая у нас машина? Металлургический! – с гордостью протяжно произнёс он – Там сталь плавят, слышал?!

– Угу.

– Меня отец ещё пацаном с собой туда брал, так я, как увидел эту печь! А она как живая! А из неё искры, пламя...

И приятель стал красочно описывать свой завод и удивительную печь. Митька же с трудом представлял всё то, о чём говорил его друг. Он и завода то никогда не видел. Зато парень вспомнил свою русскую печку дома, когда они с сестрёнкой забирались на неё в морозы, грелись и рублились на щелбаны в кости. Сестра, боевая девчонка, удачлива, и Митрий постоянно проигрывал ей, за что и получал хорошую порцию щелчков в лоб.

– Да ты не слушаешь меня совсем – обиделся на друга Стёпка.

– Нет, нет мне очень даже интересно – соврал товарищу Митька.

– Ну а теперь ты расскажи что-нибудь о себе...

– А что рассказывать то, окончил школу в соседней деревне, работал в колхозе, а кода восемнадцать стукнуло, на фронт пошёл. Ты знаешь, я б и раньше сбежал да мать не дала. Уцепится, бывало, в меня и кричит: «Митенька, родненький не пущу! Чего хошь со мной делай, не пу-щу!...» Ну, что мне оставалось...

У Митяя навернулась слеза, которую он незаметно смахнул.

– А как ты мыслишь, война скоро закончится? – не унимался с расспросами Стёпа.

– Думаю через год или два...

– Плохо. Сколько ещё народу поубивают эти фашисты проклятые. И как только земля их носит?

Митька пожал плечами.

– Видимо носит...

– Они все сволочи и мерзавцы. И нет им прощения. Все равно правда на земле восторжествует. И мы с тобой до этого ещё доживём.

Сзади к друзьям-неразлучникам незаметно подобрался «Тетеря» – Витька Тетерин.

– Ага, голубчики, развлекаетесь?! – выкрикнул он.

Митька от неожиданности вздрогнул и поднял глаза. А щербатый Витёк, как ни в чём не бывало, подхватив грязный клубень, лихо подбросил его в потолок.

– А прыжки то отменили! – улыбнулся счастливый парень – Погоды нет, говорят, нелётная погода то. Завтра прыгать будем...

«Вот и всё» – подумал про себя Митрий и в глазах у него потемнело.

Она приближалась к нему всё ближе и ближе, эта огромная куча снега...

– Ааа! – орал он во всё горло, падая вниз со скоростью ракеты – Ааа! – пронеслась перед глазами вся его недолгая жизнь – Ааа! – наконец-то плюхнулся Митька в сугроб всем телом своим не могучим по самые так сказать уши, окончательно потеряв всякий ориентир на местности от ужаса.

– Вот это да!!! – вынырнул он весь белый, как только стропы опустившегося парашюта дёрнули его – Вот это да!!! – вскрикнул Митяй от восторга и побежал что есть мочи по полю подгоняемый ветром за тянущим его куполом.

Наконец он остановился, и, усевшись на снег пятой точкой, стал вспоминать всё, что с ним произошло в последние несколько часов в мельчайших подробностях.

Сегодня он сделал свой первый прыжок, спустившись оттуда, где плывут сейчас облака и летит эта прекрасная птица, запрокинул Митька голову к небу. А главное то, что он вообще это сделал!

– Ну как бойцы, страшно вам? – спрашивал в самолёте всех старшина Фролов.

– Нет! – хорохорился каждый.

«Да уж, нет! – подумал о товарищах Митрий – Прощаются, наверное, с жизнью сидят, а всё туда же! – насупился он – И я дурак тоже хорош. И зачем только в этот десант попёрся? Сидел бы сейчас где-нибудь в окопчике, или в танке с толстенной бронёй, ну или радистом где-нибудь в штабе. Всё ближе к земле то! А теперь иди, вставай, прыгай не знамо с какой высоты.

Да что я отказаться не могу что ли в конце то концов?! Ну не заставят же они меня силой?» – последнее о чём успел подумать парень, перед тем как дверь самолёта распахнулась настежь.

«Может, проветрят и снова закроют?» – хватался за соломинку Митька, наблюдая, как пропадают в адском проёме его товарищи один за другим.

– Пошёл!!! – увидел и он перед собой орущего старшину, застыв в двух шагах от края пропасти – Пошёл!!!

Митькин мозг отказывался верить в происходящее, а ноги предательски вели его навстречу гибели, сделав, наконец, третий роковой для него шаг...

– Ааа! – приближалась к нему всё ближе эта огромная куча снега – Ааа! – пронеслась перед глазами вся его жизнь – Ааа! – наконец-то плюхнулся он в сугроб всем телом своим не могучим...

– Мить! – трепыхал его кто-то за плечи – Митяй, с тобою всё в порядке?! – наконец различил он лицо Степана – Живой?! – улыбался ему друг – И я тоже живой! – засмеялся он громко – Живой!!!

Парень медленно приходил в себя от потрясения. Всё его нутро пело от счастья. Он обессилено встал и не спеша стал складывать парашют, как учили. Митька гордился собою сейчас. Ведь боится то каждый, главное этот страх перебороть, победить и забыть о нём навсегда...

Забудет ли он свой первый прыжок когда—нибудь?

Воинский эшелон вёз их медленно, с длительными остановками, как будто не желая этого делать, вёз по некогда цветущему краю, показывая без прикрас все ужасы случившейся здесь кровавой бойни – разрушенные и сожженные города и сёла, усыпанные снарядами леса и поля, бесконечные холмы и холмики могил русских солдат.

Эшелон вёз их навстречу неизвестности и суровым испытаниям, на смену погибшим, но не покорившимся воинам, вёз из детства на запад, где им предстояло повзрослеть, а может быть и навеки остаться юными...

Сегодня совсем поутих мальчишеский хохот, и чем ближе подъезжали они к фронту, тем серьёзней становились их беззаботные лица.

Митька проводил взглядом железнодорожный переезд и девушку дежурную на нём.

Отчего-то в последнее время он всё чаще представлял себя мёртвым, и смотрел на это как бы со стороны. Невысокий белобрысый паренёк, с широко раскрытыми голубыми глазами, курносый носом, да ямочкой на подбородке лежит бездыханно, наполовину ушедший в сырую землю...

Скрежет тормозов заставил его очнуться от чёрных мыслей. Поезд останавливался на небольшом полустанке, с деревянным домиком вместо вокзала. Станция была немногочисленна. Плохо одетая женщина на перроне предлагала обменять молоко на продукты всем, кто попадался ей на пути. Небольшая группа только что прибывших солдатиков в шинелях мирно беседовала, расположившись на двух деревянных лавочках. Девочка лет семи выгуливала свою тощую пятнистую козу, по лысой ещё лужайке, с островками грязного снега, постоянно читая ей нотации.

– Опять ты ешь что попало? Смотри вон травка молоденькая только что проклюнулась, её жуй!

Тут Митькино внимание привлекло нечто. Он посмотрел чуть дальше и метрах в пятидесяти от станции увидел, забытый и покинутый всеми, подбитый германский танк. Как памятник прошедшим здесь кровопролитным сражениям возвышался он теперь у дороги. Холодное извятие рук человеческих...

– Братцы, глядите немцы! – крикнул кто-то из новобранцев.

И все разом кинулись на другую сторону вагона смотреть на живых фашистов. Пленные выстраивались в колонну на небольшом пяточке под строгим присмотром конвоя. Вид у них

был отнюдь не респектабельный. Обмотанные какими-то тряпками руки и ноги, потрёпанные шинели, платки на головах, а во взгляде читалось не то чтобы раскаяние, но сожаление то уж точно...

– А я думал они совсем другие! – выдал тут Тетеря разочарованно.

– Они и есть другие, просто этим бока намяли! – вспыхнул внезапно Степан – Что обломали зубы, сволочи?! – неожиданно выкрикнул он в сторону обмороженных – Натё, выкусите! Вот вам, а не Россия! – показал он увесистый кукиш фрицам.

И ребята, поддерживая друга, будто по команде, заголосили. Ожили теперь и другие вагоны.

– А ну отставить! – услышали новобранцы недовольные голоса своих командиров – Отставить!

И среди всеобщего хаоса Митька вдруг увидел, как к пленным подошла девушка в худой фуфайке, старенькой шали и стоптанных ботиночках без шнурков и начала раздавать им кусочки хлеба. Те, побаиваясь, всё же брали чёрные ломтики, а один, закрыв рукой глаза, даже прослезился.

Ребята, наблюдавшие это, постепенно начали утихать.

– Даа, потрепало их... – неожиданно сказал кто-то.

– Нечего было к нам соваться. Их сюда никто не приглашал! – всё также зло парировал Стёпка – Мало они людей то погубили, душегубы проклятые?!

Тут эшелон внезапно тронулся, и всё, что Митька видел сейчас, медленно стало уплывать куда-то вдаль, пока, наконец, совсем не осталось лишь в глубинах его памяти...

Несколько месяцев на фронте для парня пролетели незаметно. Война теперь не виделась ему чем-то особенным, экзотическим, она давно уже стала повседневным будничным укладом его жизни. Он не пугался как прежде разрывов снарядов и автоматных очередей. Ходил с товарищами в разведку, вязал языков, пил спирт со всеми на равных и знакомился с заграницей, в которой в мирное время и побывать-то бы никогда не смог. Вот и сегодня стоял бок о бок с друзьями на пороге незнакомого дома, наблюдая забавную картину.

– Хлеба больше неси! Хлеба неси! – прикрикивал старик румын на свою жену – Русских кормить нужно!

И женщина, спохватившись, кинулась к печи за новыми румяными горбушками.

– Глянь, как встречают, – ткнул незаметно Митяя плечистый однополчанин Сашка Дубков – прямо как родители новобрачных – хихикнул лукаво он.

– Радуются, наверное? – предположил Митька.

– Ага, держи карман шире! Боятся, что самосуд над ними учиним за пособничество Гитлеру. Однако ж мы не какие-нибудь фашисты, простых людей не трогаем. Да, отец? – посмотрел служивый в глаза хозяина дома – Пускай живут себе спокойно.

И старик закивал головой, будто понимая, о чём идёт речь.

– Приятельстро! Дружба! – выкрикнул он, улыбаясь, на ломанном русском. – Кушать! – предложил пожилой румын присесть за стол гостям.

И бойцы наконец-то сдвинулись с места. Они быстро расселись на лавки и под прибаутки, да шуточки, тот час приступили к роскошной трапезе.

А закусить сегодня освободителям Европы действительно было чем. На столе красовались мясо и рыба, каши и овощи, пироги и плюшки, а самое главное, невиданный до селе Митькой виноград.

Он, причмокивая, набил себе им полный рот.

– Эх, жаль выпить нечего! – вдруг произнёс во всеуслышание сидевший с ним рядом Серёга Березин – Ну, что, Митяй, – посмотрел он на жующего товарища – придётся тебе опять подсуетиться. Сгоняй—ка по селу, может, есть у кого что?

На неугомонного строго взглянул командир.

– Да дайте ты ему поесть-то спокойно – заворчал Денисыч на подчинённого.

Но Митька уже поднимался с места.

– Щас схожу – сказал парень с набитым ртом и вышел из дома...

Он передвигался по расположению части, как бравый вояка. Пилотка на бок, выправка, грудь колесом. Шутка ли разведчик! Ничего, что соплив ещё, зато с какими людьми воюет! Один Денисыч чего стоит! На вид ему лет пятьдесят, седой наполовину, а выносив как тридцатилетний. В разведке с первых дней войны, ранен был много раз, а душой не очерствел, не оскорбился. Глянет, бывало, на Митьку так по-доброму и говорит:

– Ты, казачок, в пекло то без дела не лезь, с умом воевать надо.....

Ещё был у них в роте рыжий красавец «Дубина» – Сашка Дубков. Прозвище своё получил за крепость фигуры! Однажды вынес на своих плечах из боя двух раненых товарищей.

Мишико грузин – весельчак и балагур, и внешне, несомненно, сын своего народа. Нос с горбинкой, волос чёрный, смуглая кожа и ямочка на подбородке.

Радист Серёга Березин, все звали его «Берёза». «Не был бы ты Березин, был бы ты Есенин!» – частенько подсмеивались над ним ребята за сходство с опальным поэтом.

Сидоренко Микола – украинец, отец большого семейства. Всегда задумчив и серьёзен, он производил впечатление человека невозмутимого и степенного, а опущенные вниз усы, да густые брови придавали его облику ещё большей солидности.

Иосиф Савичев, русский по документам, а так, кто его знает какой национальности? В общем, звали его все Ёсик.

– Митька, тебя Гребенюк вызывает! – услышал парень голос знакомого сержанта, который выходил из медсанчасти, и понял, что сидеть сегодня его ребятам без выпивки.

– Хорошо, иду! – ответил ему Митяй.

Дом, в котором расположился штаб, был когда-то местной управой. Митька ловко вскопчил на крыльцо, открыл дверь и ступил внутрь.

– Товарищ гвардии лейтенант, по вашему приказанию прибыл! – вытянулся парень в приветственной позе.

– Хорошо – глянул на него мельком озабоченный командир.

Он сидел за столом без фуражки, уткнувшись в какие-то бумаги, изредка поглаживая лысину на своей голове.

– Вот тебе донесение, – вдруг протянул лейтенант парню пакет – отнесёшь его в штаб дивизии, дорогу тебе покажут. И побыстрее, понял?

– Есть, отнести донесение в штаб дивизии побыстрее! – круто развернулся Митрий на пятках.

Он шёл сначала мимо виноградников, потом по просёлочной дороге. Всё ему здесь напоминало родные места, только климат помягче, да ёлок поменьше, а так собственно так же как и дома. Решив сократить путь, нырнул в лесок. Как же здесь было покойно! Деревья, одетые, словно на бал, радовали своим разноцветным убранством. Не умолкая ни на минуту, щебетали птицы. Где-то в густых кронах дубов стучал по стволу работага-дятел. Митька улыбнулся и, хотел было засвистеть от удовольствия, как вдруг, что-то вдалеке, привлекло его внимание.

«Зверь, что ль какой? – подумал про себя Митька, остановился и присел за дерево – Да нет, не зверь, человек идёт, крадётся, озирается. Кто бы это мог быть?»

Митяй залёг в высокую траву и стал бесшумно отползать к овражку. Спустившись вниз, выглянул снова и ужаснулся. «А человек то не один. Раз, два, три, четыре,..... восемь. Вот это да! – удивился парень – Не наши точно. Наши так по лесу в тылу не ходят. Камуфляж, автоматы, и говор какой то странный, немецкий что ли говор-то?» Прислушался. «Точно, немцы! Идут мимо, далеко, думаю, меня не заметят. Надо до наших тикать пока эти „туристы“ совсем не ушли!»

Митька, выждав некоторое время, перебежками стал двигаться в сторону своих. «Ну, здесь уж можно и быстрее!» – подумал парень и припустил как знатный спринтер. И уже через несколько минут был в части. Ещё издали он начал кричать:

– Братцы! Немцы в лесу! Немцы!

Его услышали все. Выскочил на крыльцо и Гребенюк.

– Где немцы? – спросил он встревожено.

– В лесочке, здесь неподалёку! Я восемь насчитал!...

– Дорогу показывай! – приказал лейтенант и, махнув рукой подлетевшим Денисычу с ребятами, поспешил следом за Митькой.

– Давно ты их видел-то? – спросил Гребенюк на бегу.

– Минут десять как...

– Значит, далеко уйти не могли! – посмотрел командир на Денисыча.

– Догоним! – сказал тот уверенно.

И разведчики настигли непрошенных гостей километрах в двух от того места, где Митька прятался в овражке. Заметив преследователей, немцы начали отстреливаться.

– Обходить их надо! – крикнул старшина, рассредоточивая людей.

Мишико с Дубиной кинулись направо, Берёза с Ёсиком налево. Стреляя по движущимся мишеням, Митяй бежал прямо, лишь изредка укрываясь от шальных пуль за стволами деревьев.

– Попал! – радостно крикнул он, уложив, наконец, одного фрица.

– Я тэжно, кажись, сняв! – вторил ему Микола из кустов.

Митька услышал рёв машин, подъезжающих со стороны главного штаба. К ним была выслана подмога.

«Ну, теперь точно уж возьмём гансов» – подумал про себя он.

Всё закончилось минут через двадцать. И разведчики пошли осматривать диверсантов, которые, к слову сказать, теперь представляли из себя жалкое зрелище.

– Убито шесть, двое ещё живы – доложил Денисыч лейтенанту.

– Раненых в штаб дивизии отправляйте – скомандовал Гребенюк подчинённому и вдруг повернулся к Митяю. – Донесение то хоть не потерял, герой? – спросил он запыхавшегося парня.

А вот про донесение то Митька совсем и позабыл. Выпучив глаза, он стал рыскать в своей гимнастёрке.

«Где же оно? Где?» – судорожно думал про себя Митя, ощупывая себя всего руками.

Сзади к нему подошёл Мишико.

– Вай, вай, генацвали! – весело произнёс он и похлопал Митьку по пояснице – Да вот же оно, за спиной у тебя!

Ребята все дружно засмеялись.

А Митяй, расстегнув ремень, осторожно извлёк документ и подал его лейтенанту.

– Молодец, красноармеец! Благодарю за бдительность!

– Служу Советскому Союзу! – бойко взмахнул Митька рукой, как пионер на линейке...

Короткие часы отдыха на фронте случались не часто. Вот так, чтобы совсем тихо, без грохота пушек и рёва снарядов, без автоматных очередей и стонов тех, кому к несчастью не повезло. Но сегодня был именно такой вечер...

Разведчики внимали голосу Левитана из шипящего, кое-как настроенного приёмника.

– В течение 24 октября наши войска, преодолевая сопротивление и контратаки пехоты и танков противника, с упорными боями овладели рядом сильно укреплённых опорных пунктов...

В Северной Трансильвании наши войска с боями заняли населённые пункты КЭМЭР-ЗАНА, ТУРЦ, ГЕРЦЕ-МАРЕ... – продолжал перечислять диктор торжественно...

Он спал и не спал с закрытыми глазами, удобно расположившись в блиндаже на лежанке. Видел, как сидит ребёнком на лавочке, а по улице приближается к нему его мать, улыбается, и, протягивая руки свои, зовёт его: «Митенька, сыночек мой, иди сюда».

– Эх! – вздохнул Берёза, лёжа по соседству.

Он опустил на лоб свою пилотку и мечтательно произнёс.

– Вот отвоюю. Думаю, немного уже осталось. Приеду домой, натоплю баньку по-чёрному. Попарюсь дубовым веничком. На кедровых орехах настоящий бальзамчик на камни плесну, а потом его же себе вовнутрь... – погладил Серёга свой живот – Красота!

Ёсик подкинул в железную печурку ещё дровишек.

– Не понимаю я этих самоистязаний – поморщился он худосочный, представив отчаянные шлепки прутьев с листвою по телу. – Неет, баня это не по мне. В ванну бы сейчас занырнуть, да каплю мыльца туда ароматного...

– А мне, что баня, что ванна, всё одно, лишь бы грязь фронттовую с себя смыть – забасил с полным ртом Сашка, ковыряясь ножом в банке с тушёной. – Хотя на гражданке-то оно не чище было. Идешь, бывало, из шахты, сам чёрный как негр, одни глазищи, да зубы белые.

– А я, вы знаете, на даче из леечки полюбилвал – крякнул Денисыч из-за стола. – Случалось, тятюшкой намашешься на жару, вспотеешь, и ну себя обливаться!

В блиндаж бесшумно вошёл Микола и, усевшись на топчан, о чём-то сам с собою стал беседовать.

– Дядя Коль, ты чё такой? – спросил его Ёсик.

– Ничёго – ответил сердито Микола. – Хлопчив до сих нема, вот що. А з ними земляк мий. Письмо ёму з дому прийшло, а отдати никому!

Группа Голощапова ушла в разведку ещё два дня назад, вернуться должна была сегодня утром, но увы.

– А у меня там Степка – заперевживал за друга и Митька тоже.

Все замолчали, и во взгляде каждого читалось: «Не к добру!»

– А ну, отставить панику! – стал успокаивать парней Денисыч. – Вы ж разведчики, сами знаете, в дороге всякое может случиться – хлопнув себя по коленям, поднялся с места он. – Пойду в штаб всё узнаю. А вы спать давайте ложитесь. Ночью на задание идти...

И командир удалился.

Где-то совсем близко вновь загрохотали пушки, и страшный рёв разнёсся повсюду. Митька выскочил из блиндажа и увидел в сумрачном небе огненные дороги, которые с каждой минутой становились всё ярче. Парень присел на корточки.

– Что это? – спросил он испуганно у присоединившегося к нему Мишико.

– Катюши, дорогой – ответил тот невозмутимо. – Оружие наше новое.

– Вот это да! – вскрикнул Митяй, поднимаясь – Кранты теперь фрицам! – добавил он, замороженный таким зрелищем, но услышал в ответ лишь грузинскую речь. – Не понял? – переспросил товарища Митька.

– Говорю, не вернуться они, генацвали – перевёл себя Мишико, наблюдая за заревом тоже. – Сердцем чую, уже не вернуться...

Их сильно потрянуло пару раз.

– Турбулентность! – крикнул пилот из своей кабины – Погода, ети её мать! – выругался он.

Погода сегодня и вправду подкачала. Холодный дождь с примесью снега, ветер, сбивающий с ног, были здесь обычным явлением в это осеннее время года.

Митька открыл глаза

Напротив мирно посапывал Денисыч. Рядом, держась за поручень, сидел, возвышаясь над ним, Дубина. Мишико, мурлыча свою песню гор, изредка поглядывал в тёмный иллюминатор. Новенький, Лёнька Плотников, тербил свои вязаные перчатки.

В последнее время Митька не находил себе места, постоянно думая о погибшем друге. Это была его первая невосполнимая утрата, не дававшая покоя ни ночью, ни днём.

«Вот так, Степан, не дождалась тебя твоя печь...» – вздыхал он горько.

– Эх, махорочки бы сейчас... – сказал, примостившийся рядом Берёза.

– Я б и от выпить не отказался – вторил Серёге Митяй.

Самолёт подлетал к запланированной точке. Его ещё раз хорошенько тряхнуло.

– На месте! Ступайте, благословясь! – вновь услышали все голос пилота.

Митрий, проверив карабин крепления и рукавицы в карманах, приготовился к затяжному прыжку.

Держась за поручень, Денисыч с трудом, но всё же открыл обледенелую дверь.

– Первый пошёл, второй пошёл, третий пошёл... – последнее, что услышал Митька.

Он снова ухнул в чёрную бездну. Страх и восторг вновь посетили его. Это захватывающее чувство падения, когда всё кувырком, когда ветер в лицо!

«Один, два, три...» – словно биение своего сердца, считал парень.

Но что-то идёт не так. Нет не с ним. С тем, кто сверху. Митяй заметил это боковым зрением. «Кто там? Это ж Сашка! Он прыгнул из самолёта четвёртым, а теперь отчего то, размахивая руками и ногами, падал камнем вниз. Кажется, у него не раскрылся парашют! Что делать? Что? Ведь я должен что-то сделать?!» – судорожно соображал Митька.

– Десять!

Он дёрнул кольцо. В доли секунд его подбросило наверх, и, изловчившись, Митяй успел схватить друга за комбинезон. Дубина как утопающий за соломинку, вцепился обеими руками в ноги спасителя и повис на них стокилограммовой гирей.

Раскачиваясь из стороны в сторону, огромный купол поднял их вдвоём.

Митька рванул Сашку за одежду.

– Держись, Сань, держись! – изо всех сил пытался подтянуть он товарища выше, так, что жилы стали лопаться на руках его.

Но всё было напрасно. Дубина продолжал сползать вниз и готов был уже сорваться окончательно.

«Как, как мне ему помочь?! О, чёрт, он такой тяжёлый!» – взмолился Митяй.

Тут Сашка посмотрел на него, будто прощаясь.

– Не смей! – сказал ему Митька – Потерпи ещё чуток, я сейчас...

Он на мгновение оставил Дубину и, быстро расстегнув свой ремень, который носил поверх комбинезона, опустил конец его другу.

– Хватайся!

И Дубина, в последний миг перед падением, всё же успел вцепиться в кожаную портупею.

Теперь всё зависело только от Митьки. Удержит он ремень, друг останется жив, отпустит, Сашка погибнет.

Орать, им было не положено, они на вражеской территории. Слезы градом катились из глаз Митяя. Ему показалось, что прошла целая вечность. Ещё немного и его усилия окажутся тщетны...

Но нет. Вот оно. Сорок, двадцать, десять, пять метров. Теперь только Митька разжал свои руки. Дубина рухнул на землю. Митя тоже упал, но его тянул парашют. Надо было держать стропы, а одеревеневшие пальцы не слушались.....

Со всех сторон к ним бежали товарищи. Серёга осматривал Сашку. Денисыч рванул к Митяю.

– Ну, силён, казачок, силён! Такого богатыря удержать! Молодец парень....

Митька обессиленный лежал на земле и выл. Знал он, сколько ребят погибало не в бою, не на задании, а вот так, во время прыжка... Костями в землю входили, спины ломали. Знал, но не был готов...

– Ничего, Дмитрий, ничего. Вставай. Пошли. Нам ещё за друга твоего, за Стёпку, отомстить нужно...

Солнце, целый день лишь изредка выглядывавшее из-за туч, наконец-то полностью показалось, окрасив горизонт красным. Где-то в зарослях дубняка тревожно заукала глазастая. Далёкие раскаты орудий не умолкали уже несколько часов к ряду.

Он удобно расположился верхом на турнике на опушке леса и стал перечитывать своё творение.

«Здравствуй дорогая мама. Пишет тебе с фронта твой сын. Как ты живёшь? Здорова ли? Я служу хорошо. Наши войска продвигаются вглубь Европы и уже заняли Молдавию, разбили румын, теперь в Венгрии. Вчера мы с товарищами вернулись с задания. Взяли языка и добыли ценные для нашей армии сведения. Не переживай за меня, я не ранен и не болен. Как там мои дорогие сёстры? Передавай им огромный привет. Передавай так же привет всем родным и знакомым, каких знаю. Кланяюсь. Целую. Твой Митя».

Сегодня у Митрия был День рождения. Так совпало, что он родился в день, когда все советские люди праздновали очередную годовщину революции. По этому поводу, вечером в роте намечалось небольшое застолье, а сейчас он решил отписать домой.

Митька свернул маленький треугольничек – всего несколько слов, но как же он нужен тем, кто его любит и помнит. Ныло сердце от воспоминаний о детстве, о мирной жизни. Он представил, как всем селом деревенские будут перечитывать это письмо, и как мамочка будет плакать.

– Ну что, Мить? Говорят ты у нас именинник? – окликнул парня Денисыч. – Дай угадаю... двадцать?

– Нееет, Семён Петрович, девятнадцать – покраснел Митяй.

– Нууу... Да ты большой совсем. Мужик! – улыбнулся мужчина.

Митька засмутился ещё больше, а старшина, похлопав юнца по плечу, произнёс:

– Всё, пойдём. Ребята уже заждались.

Двинулись служивые к старенькой сторожке на опушке леса.

Застолье было скромным – на длинном столе чёрный хлеб, консервы, да спирт.

Первым железную кружку поднял лейтенант Гребенюк.

– Сегодня, товарищи бойцы, мы имеем с вами двойной праздник – сообщил он официально, поправляя свою гимнастёрку – Во-первых, двадцать седьмая годовщина октябрьской революции...

– Урааа! – закричали бойцы.

– Во-вторых, в наших рядах именинник. Поздравляю, Дмитрий. Пусть Родина гордится тобой.

Ребята стали хлопать и обнимать Митьку так, что он совсем застеснялся.

– Ну, это ещё не всё – сказал командир. – Вот тебе от нас скромные подарки...

И товарищи начали протягивать другу кто фляжку, кто мыла кусок, кто вареники, кто новые портянки...

– Поздравляем, Мить, поздравляем – неслоь отовсюду.

И Митрий снова краснел. Однако ему ужасно приятно было осознавать, что сослуживцы его так ценят и любят.

– Ну что вы, не надо...

– Бери, бери, джигит, – произнёс Мишико – на войне всё пригодится! – потрепал товарищ волосы парня.

А командир продолжил.

– Ну, а теперь, выпьем, за праздник и за нашего Митьку! – предложил лейтенант.

И все стали чокаться кружками с виновником торжества.

– За тебя, дорогой. Будь здоров!

После закуси, да разговоров застольных слово взял уже Сашка Дубков.

– У меня встречный тост, братцы! – произнёс он серьёзно – Давайте выпьем за победу.

За то, чтобы каждый из нас, не смотря ни на что, выжил на этой проклятой войне и вернулся домой к своим родным, ну или к тем, кто остался. И чтобы мы разбили эту фашистскую гадину. Должна же быть высшая справедливость на свете?

И разведчики как один замолчали. О чём думал каждый из них?

Денисыч, наверное, вспоминал двух своих сыновей, погибших на фронте. Лёнька – мать и сестрёнку, умерших от голода в Ленинграде. Микола всю свою семью, расстрелянную фашистами в Бабьем Яру. Детдомовец Сашка – брата, повешенного немцами за связь с партизанами. Мишико – отца, погибшего под Сталинградом. Ёсик – отца и мать, угнанных в Германию.

О чём думал каждый из них?

– Ээээ! – развернул меха гармошки «Берёза».

Бьётся в тесной печурке огонь

На поленьях смола, как слеза.

И поёт мне в землянке гармонь

Про улыбку твою и глаза...

Митьке сделалось хорошо и покойно. От выпитого спирта кружилась голова, и ноги чуть-чуть онемели. Он, облокотившись на руку, с удовольствием слушал поющих товарищей и был счастлив от того, что встретил их в своей жизни, таких разных, но таких близких его сердцу.

– Иди, отдохни, Мить – предложил ему тихо Денисыч.

– Да, да – ответил Митька и, покачиваясь, не спеша побрёл спать...

Глава 3

1905 год. Башкирская губерния.

Георгий пробудился от мучившей его жажды. Он открыл глаза и, ощутив дикое похмелье, стал судорожно соображать, где сейчас находится. Голова Жоркина страшно болела, но, не смотря на это, он всё же смог повернуть её на бок и увидел рядом с собою спящую пухлую девицу со спутанными чёрными волосами и размалёванной физиономией. «Понятно! – осознал, наконец, Жорж – В борделе мадам Левандовской». « И как же меня сюда опять занесло?» – задал ему наивный вопрос его внутренний голос, а вновь вернувшаяся память начала постепенно восстанавливать нелюбимые картины, события и образы дня ушедшего.

Сначала утреннюю ссору Георгия с отцом, затем бегство с друзьями в губернскую столицу, ну и в конечном итоге безумный кутёж всей честной компании в ресторане, да борделе...

Жорж застонал от ужасного своего состояния и, с трудом поднявшись со скрипучего ложа, проследовал, качаясь, к графину с водой на каминной стойке. Налил себе полный стакан спасительной жидкости, хлебнул её и тут же, сморщившись, выплюнул на пол. В графине была водка.

– Чтоб тебя – выругался молодой барин, выливая трясущимися руками огненную прямо в горшок с геранью.

Затем он наполнил гранёный шампанским из ополовиненной бутылки, опрокинул в себя залпом кислое содержимое и вернулся обратно в постель. Однако все его попытки вновь забыться вновь оказались тщетны. Георгий снова отчётливо представил образ отца. – Будешь делать, как я тебе велю, сучий ты потрох! – орал тот на сына во всё горло – Весь в мать непокорную стерву, выродок дворянский!!! Дочь золотопромышленника он брезгует, гадёныш! Всё Мотьку свою Колесникову забыть не можешь?! Так она сбежала от тебя! К холопу сбежала! Хочь с чёртом, лишь ба не с тобой! Ужо пузатая вторым! А ты всё, тряпка, сопли жуёшь! Не женишься на Ольге, наследства лишу! Попомнишь меня ещё, сучонок!

Жорка зажмурился и заткнул уши руками, чтобы никогда не слышать больше этого ненавистного лая. Он вновь вспомнил мать. «Мама, маменька, как же ты могла оставить меня одного с этим чудовищем?»

По щеке Георгия покатила слеза, и перед ним, как и прежде в детстве, снова предстал светлый лик княжны Софьи, наследницы большого состояния, которая когда-то вышла замуж по недоразумению за Мартынова старшего. – Маменька – уже вслух произнёс Жорж. В это время что-то большое и грузное зашевелилось на другой половине кровати и подало голос. – Георгий Кондратыч, ты спишь? – спросила клиента проститутка Нюрка.

Она игриво плюхнулась на молодого барина своей большой грудью. И тот открыл глаза. – Нюр, принеси водицы или рассолу... – попросил жалостливо Жорж – В горле что-то пересохло. – Сейчас, душа моя Жорушка. Сейчас! – бойко подскочила с постели ещё пьяная девица, накинула на себя шёлковый пеньюар и, сшибая углы, скрылась за парчовой занавеской. В соседних комнатах послышалось шевеление. Справа подал голос дружок Георгия Прошка Колесников, который не далее как вчерась, одетый в женское платье, ловко выплясывал канкан на сцене с двумя мамзельками и с ними же впоследствии отбыл в номера. Слева вознёс свою молитву к богу местный батюшка, потешивший вдоволь накануне свои телеса с юной обитательницей здешнего заведения, почти ещё ребёнком Агафею. Услышав заутреню в публичном доме, Георгий не сдержавшись, начал хохотать. До того всё это было ему нелепо, противно и скверно. В дверях снова появилась Нюрка с ковшом в руках. Она увидела истерику барина и бегом к нему подседа. – Жорушка, штой с тобою? На вот хлебни-ка рассольчику. Сразу на душе-

то станет легче – стала успокаивать проститутка Георгия. Тот как-то в раз перестал смеяться, посмотрел на девуцу и с грустью сказал. – Хорошая ты, Нюр. Добрая... – Не хорошая я, а пропащая! – возразила ему молодая особа, глубоко вздохнув, – Хорошая я была до пятнадцати годков, покуда отец с матерью мои живы были... Царствие им небесное... Анна перекрестилась, замолчала, глянула на уже просветлевшее небо за окном и продолжила. – Жениться тебе надоть, голуба ты моя, детишков родить. А прошлое из головы вон выкинуть. А то оно снутри тебя всего сгрызёт и живого места не оставит. Слышишь ты меня? – заглянула Нюрка Георгию прямо в глаза.

Но он, вновь всецело погрузившись в свои мысли, её уже не слышал. Девушка тихо поставила ковш на прикроватный столик рядом с ним, зевнула во весь рот и отправилась дальше спать, ведь через несколько часов в бордель должны были пожаловать новые гости...

– Моть! Мооть, подь суды! – звал свою невестку Тимофей с крыльца.

– Что, тять? – откликнулась на зов Матрёна.

Она вышла из сарая раскрасневшаяся, простоволосая и, придерживая свой огромный живот, посмотрела на свёкра.

– Сходи поводу, мать просила огурцам на засол.

– Щас, принесу – улыбнулась Мотя, надела на голову платок, повесила себе на плечи коромысло с вёдрами и босая отправилась к деревенскому колодцу.

– Как поживаешь, Мотюшка? – спросила её бабуля, сидевшая на завалинке соседнего дома.

– Хорошо, баба Кать.

– Ну, и, слава Богу – перекрестилась беззубая старушонка и облегчённо вздохнула.

А Матрёна проследовала дальше, вспоминая последние свои годы.

Она и вправду жила хорошо. У добрых-то людей чего не жить? Костя любит её, надышаться не может. Сынок у них подрастает Васенька, скоро уж второй ребёночек появится. Трудно ей было, конечно, поначалу-то. Дома у отца что, в лавке торгуй, да так дела кое-какие... А здесь всё ж таки хозяйство – и за скотиной прибрать, и грядки прополоть, и одёжу пошить, и пряжи напрядь... Ну ничего, справилась...

Мотя уже спустилась под горку, оставив позади и деревенские огороды, и поскотину, как вдруг услышала.

– Ой, глядите, бабы, купчиха! – судачили односельчанки у колодца – Расфуфырилась вся, не идёт, а пишет! – засмеялись они звонко.

Любимое место сбора местных кумушек никогда не пустовало. Замужние и девицы, старые и молодые, повидавшие жизнь во всей красе и не испытывавшие лиха вовсе, являлись сюда по большей части для того, чтобы языки почесать, да посплетничать.

«Что я им, кость в горле чё ля? – обиделась на хохотушек Мотя – Чего они меня всё чипляют-то?»

А вслух произнесла.

– Добрый денёчек, бабоньки...

– Добрый, добрый – язвительно поприветствовала её, стоявшая с вёдрами в руках, Лизовета Емельянова и добавила – Как вы, Матрёна Мотьевна? Ни хвораете?

– Ничего, здоровая с Божьей помощью...

– А муженёк вашенский?

Мотя глянула на собеседницу пристально.

– А чего это ты, Лизовета, так об муже моём печёшься? – спросила молодая женщина недовольно.

– Да вот, узнать приспичило, не оочурился ли ишо с такой-то женой? – продолжила нахально улыбаться Лизка.

– Как видишь, нет – встала в позу Матрёна – Проживает со мною в согласии – погладила она свой хорошо округлившийся живот. – А ты б, Лизовета, за своим мужем пьяницей лучше доглядывала, а то бегаешь по всей деревне за каждой юбкой, не равён час какая молодуха приберёт...

То, что Алексей кабель первостатейный, было известно в починке каждому.

Побагровев от злости, Лизка бросила на землю свои вёдра.

– Ах ты, купчиха недоделанна! – кинулась она с кулаками на Мотю – Я тебе щас зенки-то повыщарапываю!

Матрёна успела отпрыгнуть в сторону, а бабы принялись держать взбешённую.

Тут, рядом с ними, возникла Тонька, жена Егоршина, босая и в рубахе навыпуск.

– Да вы что, соседки, ополоумили чё ля?! – крикнула она, закрыв собою сношенницу, – Сколько вы её кусать-то будите ишо? А ты, тётъ Глаш, куды смотришь? – обратилась она к Глафире Карповой, бабе вроде рассудительной.

– Да я что, я ни что... – стала оправдываться дородная крестьянка.

Тонька ещё раз глянула на всех сердито.

– Пошли, Моть, – сказала она решительно – у ключа воды наберём. Ну, их...

И молодые женщины не спеша отправились к роднику за водою.

Будучи простым деревенским парнем, Костя совершенно не боялся города: незнакомых улиц, высоких зданий, диковинных экипажей и разношерстной публики, снующей повсюду.

Вот и сегодня он вновь был здесь. Разжился кое-каким инвентарём в хозяйство. Заехал в банк, отдать деньги, ссуженные на поправку коровника. После чего заглянул в местные лавки и набрал гостинцев всем своим домочадцам. Моте муж купил платье шёлковое, как носили модные барышни, лаковые туфли на каблучке и две атласные ленточки в цвет её зелёных глаз.

Сделав свои дела, Константин поймал извозчика и поехал повидаться с Иваном. Тот жил недалеко от станции. Дома у брата Костю встретила его молодая жена Тася.

– Ой, а Вани нет – открыв дверь, сказала она. – Но, вы проходите, он скоро придёт.

Комната, в которой поселились новобрачные, располагалась на втором этаже двухэтажного деревянного здания, маленькая, но чистая и светлая. Посередине стоял круглый стол со скатертью. Над столом висел абажур.

– Да вы присаживайтесь. Сейчас чай пить будем – стала суетиться хозяйка у плиты.

Костя осмотрелся.

На стене в рамочке висела карточка его брата. Иван получился на ней хорош! Гладко зачёсанные на прямой пробор чёрные волосы, чётко очерченные скулы, волевой подбородок, прямой нос, не полные губы, с тонкой ниткой, подкрученный вверх усов. Он очень изменился с тех самых пор, как уехал из дома. Из нерешительного отрока превратился в уверенного в себе молодого мужчину.

Теперь гость посмотрел на Тасю, которая отчего-то застеснялась. Она тоже была необычайно привлекательна. Круглое личико, большие голубые глаза, стрелочки-брови, светло русая коса ниже пояса и румянец.

Константин улыbnулся и, чтобы не смущать невестку, продолжил смотреть по сторонам. Его внимание привлекло большое количество книг в комнате. Они стояли в шкафу, лежали на полу и на подоконнике. Костя прочёл авторов: Жюль Верн, Дж. Лондон, А. Радищев, К. Маркс... Фамилии писателей ему ни о чём не говорили. Парень хоть и грамотным был, но читал в основном только газеты, да и то редко.

– Ты меня, Тася, на вы-то не величай – попросил молодой мужчина хозяйку дома. – Всё ж таки родственники мы с тобой теперя.

– Конечно, конечно – любезно согласилась девушка, и, поставив горячий чайник на стол, принялась разливать кипяток по чашкам.

Она пододвинула гостью сладости.

– Угощайся, пожалуйста – сказала Тася и, усевшись напротив родственника, о чём-то крепко задумалась. – Ты знаешь, Костя, – вдруг встревожено произнесла она – в последнее время я очень волнуюсь за Ивана. Он часто стал пропадать. Встречается с какими-то подозрительными людьми, у них там кружок на заводе – девушка вздохнула. – Муж постоянно говорит о свободе и равенстве для всех, и о правах рабочих.... Я в этом ничего не понимаю, но мне кажется, что Ваня в очень большой опасности...

Константин удивлённо посмотрел на невестку. Недавно, он и сам слышал от мужиков на рынке, что бунтуют в Уфе людишки, недовольство своё кажут. Что, дескать, власть им негожа. А где её взять другую-то? Из пакон веку царь с губернаторами правил, ну ни царя же заменывать?

– Ты не переживай, Тасенька, – попытался успокоить её Костя. – Ничего дурного в разговорах этих нет. Просто Иван сочувствие имеет, сердцем за народ мается. Да и разумный он у нас, с плохими людьми дружить не станет...

– Что вы, что вы, Костя, ой «ты». Я не говорю что плохие. Просто мне думается, что они очень опасное дело затевают...

Костя гостил у брата ещё час, но Иван дома так и не появился....

Это началось не вчера и не здесь, и закончиться грозило не завтра. Они вновь стояли плечо к плечу в едином пролетарском порыве. Раздавленные бесконечным произволом властей, бесправные, как могут быть бесправны лишь сосланные в далёкую Сибирь каторжане. Голодные, злые, потерянные...

– Управляющего сюда зови!!! Управляющего зови!!! – скандировала толпа рабочих у проходной железнодорожных мастерских всё громче и всё жёстче.

– Управляющего на месте нет. Он в отъезде, по делам в Петербурге – оправдывался его помощник Федяев, приземистый полноватый мужчина в смешно обтягивающем его сюртуке. – Прошу всех разойтись по местам!

Он сидел в коляске с извозчиком со всех сторон окружённый разгневанными людьми.

– Управляющего давай! Пусть не прячется! Не пойдём никуда, пока условия наши не выполняете! – кричали возмущённые заводчане.

Один из них, протянул помощнику листок бумаги, уборно исписанный химическим карандашом.

Федяев глянул на него мельком.

– Требования? Господа, ну какие требования? К сожалению, я ничего не могу для вас сделать. Прошу, заканчивайте собрание! – вновь призвал он.

– Нам нужен восьмичасовой рабочий день! – стали слышны выкрики отовсюду.

– Повысьте жалованье, детей кормить нечем!

– Сколько ещё вы будите над нами измываться?!!!

Чёрная туча недовольства повисла над собравшимися. Волнение рабочих всё нарастало и вот-вот грозило вылиться в новое неудержимое противостояние.

– Я буду вынужден вызвать жандармов! – перешёл к угрозам помощник, густо покрывшись испариной – Вы за это ответите! – заорал он испуганно, как только кольцо возле его коляски стало сжиматься.

Активисты стояли в первых рядах и предопределяли действия толпы. Их знали поимённо не только свои соратники, но и полицейские царской охранки. «Бунтари», как называли большевиков власти, устраивали еженедельные маёвки, печатали листовки и воззвания, периодически организовывали стачки и митинги трудящихся.

Среди прочих лидеров особо выделялся Иван. Молод, бескомпромиссен, умен. Его слушали, ему подчинялись, за подающим большие надежды парнем беспрекословно шли. Вот и сегодня первое слово было за ним.

– Хорошо, мы разойдёмся! – громко произнёс он – Но работать будем восемь часов! Понятно?!

Федяев округлил свои маленькие, бегающие глазки.

– Вы сами не ведаете, что творите! – срывающимся голосом воскликнул помощник – Это неслыханная дерзость!

Но люди уже проследовали в цеха...

В губернской столице вновь нарастали протестные движения. В конце 1905 года повсеместно прошли забастовки на всех промышленных предприятий города. Железнодорожники и служащие прекращали работу. Трудящиеся под руководством большевиков освободили политзаключённых. Все готовились к решающим боям. И они не заставили себя ждать...

Холодным декабрьским днём на массовом митинге в сборочном цехе железнодорожных мастерских людские волны бурлили как пена. Всюду висели красные флаги, плакаты и транспаранты. Рабочие общались друг с другом, спорили, поочередно выступали на импровизированной сцене и пели революционные песни. Но далее медлить было нельзя...

– Товарищи! – наконец, обратился к собравшимся большевик Якунин, избранный накануне председателем Совета рабочих депутатов. – Нужно выставить посты вокруг здания!

И из цеха немедленно вышло несколько вооружённых дружинников.

Оратор проводил их взглядом.

Этот невысокого роста, щуплый на вид человек, возвышающийся сейчас на ящике из-под гаек, всегда вызывал особый трепет у слушателей. Высококласный слесарь, доморощенный интеллигент, он заразился идеями всеобщего равенства давно и преподносил их всем страждущим как-то по-особенному, доступно.

Председатель, посмотрел на десятки, устремлённых на него глаз, и продолжил.

– Позавчера, в знак солидарности с московским пролетариатом, трудящиеся нашего города, объявили всеобщую бессрочную забастовку! Нами были прекращены все перевозки по железной дороге, созданы отряды рабочей милиции, выдвинуты очередные требования к властям. Но сильные мира сего остаются глухи к чаяниям народа. Так больше продолжаться не может! – подытожил Якунин – И мы предпримем другие, более решительные, шаги к достижению поставленных целей! Предлагаю начать вооружённое восстание! Кто «за», прошу голосовать!

Председатель одобрительно взглянул на лес взлетевших вверх рук.

– Единогласно – спокойно произнёс он и добавил. – А теперь следует арестовать начальника станции.

– Арестовать!!! Арестовать эту сволочь!!! – возликовали собравшиеся.

И уже через мгновение, отделившаяся от общей массы группа активистов, возглавляемая Иваном, ринулась к апартаментам начальства. Преодолев пешком заводской двор, она вошла в здание напротив. Громкий топот сапог по коридору, заставил «приговорённого» немало понервничать.

– Как вы смеете!!! – заорал возмущённый такой наглостью черни, одутловатый мужчина средних лет, в чей кабинет ворвались бесцеремонно – Всех в Сибирь! На дыбу! Сгною! – срывал несчастный голос, в то время как ему и его гостям, жандарму и казачьему офицеру, рабочие связывали руки – Сгною!!! – повторял он вновь и вновь.

– Сгноишь. Сгноишь – говорил Иван, закрывая всех господ в одной комнате – А, попалась, птичка, стой, не уйдёшь из сети – улыбался он довольно. – Эх, шлёпнуть бы вас сейчас

эксплуататоров – разочарованно выдал большевик сидельцам за дверь – Да видать уже в другой раз...

Он положил ключ от кабинета себе в карман и, незамедлительно, отправился вместе с остальными обратно в мастерские, где собрание митингующих переросло уже в нечто большее.

– Товарищи, там солдаты! – выкрикнул кто-то из рабочих, показывая на улицу.

И забастовщики все как один кинулись к окнам.

К мастерским подтягивались войска. Серые шинели с винтовками наперевес выстраивались в стройную шеренгу. Из мешков с песком по всему периметру завода сооружались оборонительные укрепления.

– Началось – сказал Якунин, с тревогой в голосе. – Дадим вооружённый отпор властям! – воззвал он к своим соратникам – Покажем, на чьей стороне правда?!

– Покажем!!! – прогремел единодушный ответ, а следом и первый точный выстрел...

Словно в раю она взлетала к небу, и вновь, будто птица, парила вниз, туда, где всё благоухало и цвело...

– Шибче качай! Шибче! Ещё! Ещё! – кричала радостно Мотя, запрокидывая голову.

– Убьёшься, шальная! – смеялся над нею Константин.

Он раскачивал Матрёну на качелях, а она «летала» то вверх к самым облакам, до которых можно было достать рукою, то вниз. Вверх и снова вниз...

– Ах, какая же я счастливая!

Молодая женщина закрыла глаза.

– Кость, ты меня любишь? – и, не дождавшись ответа, сказала – А я тебя так люблю, что аж сердце заходится. Дышать не могу без тебя! Слышишь?

Но счастливице никто не ответил. Мотя открыла глаза и глянула туда, где ещё недавно стоял её муж, но его на месте не было.

– Костя, ты где? – окликнула Матрёна супруга ещё раз и стала смотреть по сторонам, ожидая, что Константин вот-вот объявится.

Качели продолжали летать с прежней силою, но уже не радовали её. Да и природа будто поменялась. Сочная зелень, сделалась серой, пожухла, увяла. Совсем перестали петь звонкие птицы. Тишина и покой воцарились кругом.

Мотя заволновалась.

– Костюшка, я хочу слезти! Где ты? Останови качелю, я боюсь!

Но Кости будто след простыл...

Женщина попыталась спрыгнуть сама, однако этот чёртов маятник не давал ей этого сделать. Он продолжал раскачивать её всё сильнее и сильнее, и сильнее... Матрёну охватил ужас. Сейчас она разобьётся! И тут, качели подняли наездницу в самый край, и она поняла, что срывается.

– Ааааа! – завизжала Мотя.

Проснулась. Села...

– Спи, Мотюшка. Спи, ягодка – обнял супругу Константин.

– Ой, чёй-то сон какой-то нехороший приснился.

У Матрёны защемило внутри.

– Ложись. Не думай о худом. Всё хорошо будет...

Женщина проверила люльку, в которой спала новорожденная Настёна, и снова легла. Закрыв глаза, ей показалось, что кто – то стучит.

– Кость, стучит ктой-то.

– Тебе померещилось.

– Я говорю стучит...

Костя проснулся, прислушался. И вправду стучат. Он встал, надел валенки, накинул телогрейку и вышел.

– Кто там? – спросил мужчина негромко в сенях.

– Кость, это я Иван, открывай – услышал Константин голос брата.

Костя распахнул дверь. На пороге действительно стоял Иван, но не один. С ним вместе была Тася и ещё какой-то парень.

– Здоров, братуха! – обрадовался Константин.

И братья обнялись.

– Давайте проходите, а то студёно – пригласил гостей в дом Костя.

И те незамедлительно зашли внутрь. У порога Иван остановился.

– Познакомься, – сказал он Константину, показывая на своего спутника, высокого, как каланча, худого некрасивого парня – это Сергей Полищук, мы работаем вместе.

Костя протянул незнакомцу руку.

С печи, кряхтя, слезали родители.

– Ванечка, родимый – кинулась мать на шею сына – А чего ж поздно так? И дажно не сообщили?

– Здравствуй, мамань – поцеловал уставший Иван родительницу. – Мне б с отцом переговорить. Тороплюсь я...

– Как? Ужо? – испуганно посмотрела пожилая женщина на повзрослевшего отпрыска – Случилось чего?

– Нет, дела. Ты нам чайку поставь, Тася очень замёрзла...

Марфа отправилась в сени разводить самовар. В это время, отодвинув цветастую занавеску, из соседней комнаты вышла Мотя. Она увидела юную гостью и приблизилась к ней.

– Здравствуй, я Матрёна, жена Костина. А тебя как звать, величать?

– А я Тася...

– Ну, наконец-то Иван показал нам супругу свою, а то уж думали не свидимся никогда...

– Родная, согреть бы Тасю надобно – обратился к жене Константин.

Мотя посмотрела на озябшее создание.

– Ой, батюшки, а ты и впрямь как снегурка холоднющая. Дай-ка я тебе шаль, да чулочки вязаные принесу – засутилась Матрёна и снова упорхнула в соседнюю комнату.

В это время мужчины на лавки расселись. Иван осмотрелся. Обстановка в горнице была прежняя – длинный стол, железная кровать, сундук, буфет, полати, русская печка. Старший брат взглянул на отца.

– Тять, сказать чего надо – опустил он отчего-то глаза – Оставь у себя на время Тасю. Некуда мне её с собой брать пока.

– Дык, конечно, об чём разговор, – подхватился Тимофей – а ты собрался далече?

Иван немного помолчал, а после ответил.

– Ищут меня....

Отец замер.

– Кто?

– Полиция...

– Сынок, ты чего наделал?

– Долгая история...

Тимофей отрицательно покачал головой.

– Нет уж сынок, всё выкладывай...

Иван задумался, погладил свою щетинистую щёку и вспомнил недавнюю историю. О том, как стычка протестующих с блюстителями порядка продолжилась.

Полицейские и военные окружили мастерские со всех сторон, оставив единственную лазейку, по которой ещё можно было унести ноги.

На требование властей сдать ся, реакции не последовало. Рабочие начали отстреливаться из окон имеющимся у них арсеналом. Иван бросил в противника пару гранат, разметав тем самым обложивших завод солдат, и продырявил с десяток казённых шинелей. Рядом уже сложили головы его товарищи. Многие были ранены. Со стороны противника застрочил пулемёт, и силы противоборствующих стали не равны.

– Уходить надо! – крикнул Якунин, ткнув наганом в люк канализации.

– Согласен! – отозвался Иван – Полезайте, а я за вами!

Люди потихоньку начали спускаться вниз. Шальные пули продолжали лететь россыпью, и одна из них всё же достигла цели.

– Чтоб тебя! – выругался Иван, и, схватившись за раненое плечо, снова прицелился.

Истратив последний патрон, он приготовил финальный аккорд.

– Получайте, сволочи! – метнул он гранату в сторону служивых и, увидев, как двое упали на землю, с чувством удовлетворения покинул цех.

Соображая, посвящать отца в свои дела или нет, Иван всё же ответил.

– Митинговали мы, восстание планировали. Власти узнали о том. Была перестрелка. Несколько человек погибло. Теперь нас разыскивают. Схорониться мне надо, пока всё не уляжется. А Тасю девать некуда.

В воздухе повисла гробовая тишина.

– А вот и я – вернулась Матрёна с ворохом одежды – Я тебе вещички тёплые принесла. Давай раздевайся. Греться будем – вновь обратилась она к Таисье.

Девушка сняла своё тоненькое пальтишко.

– Батюшки, да ты никак на сносях! Вот радость-то какая! – всплеснула руками Мотя – Сколь ходить-то ишо осталось?

– Месяцев пять – ответила Тася.

– Ну и хорошо. Это с первым долгоныко, а далее и времечко замечать не будешь – засмеялась Матрёна и на мужа посмотрела.

Тот улыбнулся супруге в ответ, а после взглянул на Тимофея.

Что в этот момент творилось в душе у отца, знал только он. Ругать Ивана Тимофей не мог? Отец давно уж доверял сыну, тот столь годов самостоятельно живёт. Ну уж, а если бунтовать затеял со товарищами, значит, приспичело его...

Оставалось только переживать...

– Ну что ж! На том и сойдёмся – крикнул, наконец, хозяин дома, стукнув ладонью по столу – Тася покась остаётся у нас. Здесь ей худо не будет, сам знашь – посмотрел Тимофей на Ивана. – Ну, уж а ты побереги себя, сынок, мать за христа ради пожалей – прослезился отец.

И Иван ушёл в ночь...

Они сидели рядком на лавке перед непрошенными гостями.

От керосиновой лампы в комнате было светло. Мерно тикали на стене часы-ходики. В русской печи покойно потрескивали берёзовые дровишки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.